

Роберт ФАББРИ

ВЕСПАСИАН

Трибун Рима

Серия исторических романов

Роберт Фаббри

Веспасиан. Трибун Рима

«ВЕЧЕ»

2011

Фаббри Р.

Веспасиан. Трибун Рима / Р. Фаббри — «ВЕЧЕ», 2011 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-3539-7

Рим, 9 год нашей эры. На престоле могущественной империи восседает жестокий и бескомпромиссный Тиберий. Перед ним в страхе склоняются и подданные, и враги, любое его слово – закон. Тиберий видит себя основателем величайшей династии, которая будет править века. И совершенно не подозревает о том, что в маленькой деревушке на севере Италии на свет появился младенец, которому, согласно пророчеству, предстоит взойти на самую вершину власти. Однако путь к вершине труден и долог, а каждый неверный шаг может оказаться последним. Спустя пятнадцать лет юноше приходит время исполнять предназначение. Он приезжает в Рим, чтобы стать младшим военным командиром – трибуном легиона, и оказывается в самом сердце коварной интриги, которую плетет Сеян, начальник преторианской гвардии, замышляющий захватить престол. Горе тому, кто посмеет стать на пути у всемогущего царедворца. Чтобы выстоять в бою со свирепым врагом, молодой трибун вынужден до поры укрыться на краю империи, в далекой мятежной Фракии. Но он помнит, что является избранником богов. Ибо имя его – Веспасиан.

ISBN 978-5-4444-3539-7

© Фаббри Р., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Часть I	12
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	36
Часть II	39
Глава 5	40
Глава 6	45
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роберт Фаббри

Веспасиан. Трибун Рима

Robert Fabbri
Tribune of Rome

© Robert Fabbri, 2011

© Яковлев А. Л., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Английский писатель Роберт Фаббри родился в 1961 году в Женеве, в настоящее время живет на два дома – в Лондоне и в Берлине. Он с детства живо интересовался историей, до сих пор увлекается игровой реконструкцией сражений древности, владеет уникальной коллекцией из трех с половиной тысяч фигурок оловянных солдатиков эпохи Античности.

Однако двадцать пять лет жизни Роберт Фаббри посвятил кино- и телеиндустрии, работал заместителем директора телевизионной студии. В этом качестве он принимал участие в съемках различных фильмов, в том числе сериала про Горацио Хорнблауэра по романам Сесила Скотта Форестера.

Решив заняться литературой, Роберт Фаббри использовал в качестве ориентира именно творчество С. С. Форестера и созданный им жанр военно-исторической саги, в котором успешно работают такие мастера, как Бернард Корнуэлл, Саймон Скэрроу и Энтони Ричес. Военно-историческая сага представляет собой серию книг, рассказывающих о судьбе главного героя, причем каждый том посвящен отдельному эпизоду в его карьере. Обязательными требованиями являются достоверная историческая основа и остросюжетность повествования.

Темой для своей саги Фаббри избрал давно занимавшую его эпоху Древнего Рима. При этом, в отличие от большинства собратьев по жанру, главным героем выступает не вымышленный персонаж, а реальная историческая личность, Тит Флавий Веспасиан (9–79 гг.). Книги Роберта Фаббри позволяют нам проследить за головокружительным путем Веспасиана от скромного провинциала до повелителя Империи, основателя могущественной династии.

Эпоха, на фоне которой разворачиваются действия романов серии, очень сложна. Первый век нашей эры. Республика пала, и теперь Римом правит император, живое воплощение бога на земле.

Английский писатель Роберт Фаббри родился в 1961 году в Женеве, в настоящее время живет на два дома – в Лондоне и в Берлине. Он с детства живо интересовался историей, до сих пор увлекается игровой реконструкцией сражений древности, владеет уникальной коллекцией из трех с половиной тысяч фигурок оловянных солдатиков эпохи Античности.

Однако двадцать пять лет жизни Роберт Фаббри посвятил кино- и телеиндустрии, работал заместителем директора телевизионной студии. В этом качестве он принимал участие в съемках различных фильмов, в том числе сериала про Горацио Хорнблауэра по романам Сесила Скотта Форестера.

Решив заняться литературой, Роберт Фаббри использовал в качестве ориентира именно творчество С. С. Форестера и созданный им жанр военно-исторической саги, в котором успешно работают такие мастера, как Бернард Корнуэлл, Саймон Скэрроу и Энтони Ричес. Военно-историческая сага представляет собой серию книг, рассказывающих о судьбе главного героя, причем каждый том посвящен отдельному эпизоду в его карьере. Обязательными требованиями являются достоверная историческая основа и остросюжетность повествования.

Темой для своей саги Фаббри избрал давно занимавшую его эпоху Древнего Рима. При этом, в отличие от большинства собратьев по жанру, главным героем выступает не вымышленный персонаж, а реальная историческая личность, Тит Флавий Веспасиан (9–79 гг.). Книги Роберта Фаббри позволяют нам проследить за головокружительным путем Веспасиана от скромного провинциала до повелителя Империи, основателя могущественной династии.

Эпоха, на фоне которой разворачиваются действия романов серии, очень сложна. Первый век нашей эры. Республика пала, и теперь Римом правит император, живое воплощение бога на земле, слово которого – закон. Сосредоточение власти в одних руках положило конец кровопролитным гражданским войнам, зато породило опасность тирании. Когда на смену строгому, но справедливому и дальновидному Августу пришел Тиберий, эти опасения подтверди-

лись. Мнительный и злопамятный деспот жестоко расправлялся с любым, на кого падала хоть тень подозрения. Повсюду видя заговоры, Тиберий закончил тем, что бежал из Рима на лежащий у берегов уединенный остров Капри, на котором чувствовал себя в безопасности. Оставленная без присмотра столица оказалась во власти императорской гвардии – преторианцев, во главе которых стоял всемогущий префект Сеян, человек честолюбивый и беспринципный. Именно в такой обстановке начал свое восхождение к власти юный Веспасиан. Путь этот оказался извилист и чреват опасностями. Веспасиану пришлось служить не только при Тиберии, но и при безумном Калигуле, а затем и еще при более безумном Нероне. И ему удалось не просто выжить, но и подняться на самую вершину власти в Риме, став императором, основателем одной из самых могущественных династий Античности.

Такие события лежат в основе книг Роберта Фаббри о Веспасиане. Писатель строго придерживается исторических фактов, при этом ему удастся насытить книги обилием захватывающих приключений, интриг, масштабными описаниями сражений. Всего в серии о Веспасиане автор планирует выпустить семь томов, на данный момент вышло уже шесть. Помимо «основных» книг цикла Фаббри выпустил несколько повестей о шайке «Братьев Перекрестка» и их вожаке, бывшем кулачном бойце Магне, играющем важную роль в романах о Веспасиане. Книги Фаббри снискали большую популярность у читателей и переведены на ряд европейских языков.

Александр Яковлев

Избранная библиография Роберта Фаббри

Серия «Веспасиан»:

- «Трибун Рима» (Tribune of Rome, 2011)
- «Палач Рима» (Rome's Executioner, 2012)
- «Фальшивый бог Рима» (False God of Rome, 2013)
- «Павший орел Рима» (Rome's Fallen Eagle, 2013)
- «Властители Рима» (Masters of Rome, 2014)
- «Блудный сын Рима» (Rome's Lost Son, 2015)

Серия «Братья Перекрестка»:

- «Братство Перекрестка» (The Cross roads Brotherhood, 2011)
- «Фракции ипподрома» (The Racing Factions, 2013)
- «Грезы Морфея» (The Dreams of Morpheus, 2014)

Посвящается Лео, Элизе и Лукасу со всей моей любовью

Пролог

Фалакрины, восемьдесят миль к северо-востоку от Рима, 9 г. н. э.

– С доброй помощью богов да увенчаются успехом труды наши. Прошу тебя, отец Марс, очисти поместье мое, мою землю и семью так, как сочтешь наилучшим. – Обращаясь к покровителю рода словами древней молитвы, Тит Флавий Сабин воздел руки к небесам.

Из уважения к божеству, милости которого он добивался, римлянин покрыл голову полой белоснежной тоги. Рядом с ним стояли все домочадцы: супруга Веспасия Полла с новорожденным младенцем на руках, мать Тита и его старший сын, которому скоро исполнялось пять. Чуть поодаль располагались вольноотпущенники и вольноотпущенницы, и наконец, рабы. Все собралось вокруг пограничного столба, отмечающего северный край имения, расположенного в напоенных ароматом сосновой смолы предгорьях Апеннин.

Тит закончил молитву и опустил руки. Его первенец, тоже носивший имя Тит Флавий Сабин, подошел к камню и ударил по нему четыре раза оливковой ветвью. На этом ритуальный обход периметра земель Тита был завершен, и процессия двинулась к дому.

Этот круг, начатый на рассвете, занял восемь часов, и, насколько мог судить юный Сабин, все прошло как надо. На каждом углу имения отец произносил требуемую молитву, никаких сулящих дурные предзнаменования птиц не было замечено, с ясного, холодного ноябрьского неба не ударила молния, а жертвенные бык, свинья и баран не изъявляли непокорности.

Сабин вел барана. Рога животного были украшены яркими лентами, а тусклые глаза взирали на окружающих, не догадываясь о том, что видят этот мир последние минуты.

В обычных обстоятельствах неизбежная смерть барана не смутила бы Сабина. Он множество раз видел, как животных приносят в жертву или забивают на мясо, а иногда даже помогал Паллону, сыну управляющего, сворачивать цыплятам шеи. Смерть – естественная часть жизни. Но эту смерть ему хотелось предотвратить, поскольку посредством ее предстояло очистить новую жизнь, жизнь его новорожденного брата. Мальчик мечтал прервать церемонию, приближающуюся к своей кульминации, но понимал, что может тем самым навлечь на себя гнев богов, которых боялся так же сильно, как ненавидел своего юного родича. В день рождения брата, девять дней назад, Сабин подслушал разговор отца с бабушкой Тертуллой. Та принесла весть, что растущий в имении дуб, посвященный Марсу, дал побег столь сильный, что из него произрастет не просто сук, но новое дерево. Когда родилась сестричка, дуб пустил лишь слабенький, болезненный отросток, который вскоре стал засыхать и погиб. Как и сама девочка. Но в этот раз побег был длинным и здоровым, обещая удачу, но самое главное, стал добрым предзнаменованием в судьбе брата. Мальчик слышал, как отец возблагодарил Марса за дитя, и обещал во время очистительной церемонии, когда ему предстоит официально признать сына и дать ему имя, принести в жертву богу лучшего быка, свинью и барана.

– Я буду очень заботиться о нем, мать, – сказал Тит, целуя Тертуллу в щеку. – Этому парню суждено далеко пойти.

Женщина разразилась громким смехом.

– Ты вперед меня выжил из ума, Тит! Когда республика мертва, а во главе империи стоит один человек, как далеко может пойти отпрыск из рода всадника, владеющего скромным имением в предгорьях?

– Смейся, если хочешь, мама, но когда предзнаменование говорит о величии, это воля богов, а с ней даже император не может не считаться!

После этого разговора мальчик готов был плакать всякий раз при виде того, как мать держит на руках маленького братика. В течение почти пяти лет вся любовь и забота в семье

доставалась именно ему, Сабину, и вот теперь появился некто, кто норовит забрать часть этой любви себе.

Ко времени, когда процессия достигла дома, мальчик постарался взять себя в руки, ведь ему предстояло сыграть свою роль в церемонии так, как полагается настоящему Флавию, представителю древнего сабинского рода, к которому он принадлежит, и не разочаровать отца, Тита-старшего.

Втянувшись во двор, все собрались в дальнем его конце, перед каменным алтарем Марса, на котором были сложены политые маслом поленья. Справа от него в железном держателе горел факел, слева на деревянном столе лежали топор и нож.

Сабин убедился, что баран расположился у него с правой руки, как учили, потом обвел глазами собравшихся. Рядом с отцом, держа в руках спеленатого малыша, стояла мать. На ней было торжественное черное одеяние, стола, ниспадавшее до щиколоток; палла, длинная бордовая накидка, наполовину скрывала заплетенные в тугую косу волосы цвета воронова крыла. Она обвивалась вокруг тела и укрывала левое предплечье. Почувствовав на себе взгляд Сабина, женщина посмотрела на мальчика и ее тонкие губы изогнулись в улыбке, осветившей худое лицо. При виде старшего сына в тоге, выглядевшего уменьшенной копией мужа, глаза Веспасии наполнились любовью и гордостью.

Рядом с ней стояла бабушка. Она приехала из своего имения в Коце, что к северу от Рима, к рождению младенца и церемонии наречения. Перевалив на восьмой десяток, Тертулла продолжала убирать волосы по моде, господствовавшей в последние годы республики: завитые по краям, они были собраны в пучок на затылке, подчеркивая округлость лица, которую матрона передала по наследству своему сыну и внукам.

Позади семьи располагались вольноотпущенники, живущие в имении. Сальвион, управляющий, никогда не забывающий угостить Сабина медовым пряником или сушеной фигой, держал за кольцо быка. Его сын Паллон, которому исполнился двадцать один год, отвечал за свинью. Оба животных смиренно ждали, легкий ветерок колыхал ленты, украшающие их головы. Чуть далее толпилось десятка два мужчин и женщин, о чьем существовании Сабин знал, но чьи имена и обязанности оставались для него загадкой.

Дальше шли рабы, почти пятьдесят человек, которых в обычный день мальчик практически не видел. Однако сегодня все они собрались, чтобы присутствовать на церемонии наречения нового члена семьи и принять участие в последующем празднике.

Тит подошел к алтарю, склонил голову и произнес короткую тихую молитву. Потом взял из держателя пылающий факел и поднес к поленьям. Те занялись сразу же, и едкий черный дым спиралью стал подниматься к небу.

– Отец Марс, даруй моим хлебам, виноградникам и моим садам процветание и плодородие, для чего я обвел эти жертвы вокруг своих земель. Дай здоровья моим мулам, пастухам и стадам. Дай доброго здоровья мне, моим домашним и новорожденному сыну.

Веспасия бережно вручила сверток мужу. В торжественном молчании Сабин глядел, как отец поднимает младенца.

– Призвав в свидетели и очевидцы Нундину, богиню очищения, я принимаю сына в свою семью, нарекаю Титом Флавием Веспасианом и объявляю свободнорожденным гражданином Рима. Этой буллой я помещаю его под твою защиту.

Он повесил на шею малыша серебряный амулет на кожаном ремешке. Этот талисман мальчики носили для защиты от дурного глаза и снимали только по достижении совершеннолетия.

Тит вернул ребенка матери, а сам взял стоящий рядом с алтарем сосуд с вином и три плоских твердых лепешки, испеченных из соленой муки. Он капнул вина и покрошил хлеба на голову каждого из жертвенных животных. Взяв топор, римлянин подошел к быку, коснулся лезвием его шеи и занес руку для смертельного удара. Бык опустил голову, как бы смиряясь с

судьбой. Приведенный в замешательство такой покорностью, Тит замер и обвел глазами близких. Встретившись с ним взглядом, жена едва уловимым движением век подбодрила супруга.

– Во имя очищения своего поместья, земель и почв, и искупления ради, – Тит возвысил голос, обращаясь к синему небу, – я приношу тебе в жертву лучшего быка из моих стад. Отец Марс, внимли моей просьбе и прими сей дар.

Топор с неожиданной силой рассек воздух. Бык пошатнулся, когда отточенное лезвие перебило ему хребет, наполовину отрубив голову. Алый фонтан брызнул на Сабина и всех стоящих рядом людей и животных. Все четыре ноги быка подкосились одновременно, и он замертво рухнул наземь.

Перепаханный кровью Тит высвободил топор и взял нож. Он подошел к свинье, которую держал Паллон. Скотина явно не была встревожена насильственной смертью, приключившейся у нее на глазах. Римлянин повторил молитву, затем пропустил руку под нижней челюстью свиньи, приподнял ей рыло и стремительным, жестоким рывком рассек горло.

Пришла очередь барана. Отерев с глаз теплую, липкую жидкость, Сабин обнял своего подопечного и удерживал на месте, пока снова звучали слова молитвы. Баран вскинул голову и успел проблеять, обращаясь к небесам, и в этот миг Тит резко чиркнул ножом поперек шеи. Тотчас хлынула кровь, заливая подкашивающиеся передние ноги животного. Сабин поддерживал несчастное существо, не делавшее попыток сопротивляться. Вскоре у барана подломились задние ноги, а через несколько секунд остановилось и сердце.

Сальвион и Паллон перевернули жертвы на спины, чтобы Тит мог сделать длинный надрез на брюхе. Собравшиеся затаив дыхание наблюдали за тем, как двое мужчин раскрывают туши, раздвигая ребра. Когда Тит погрузил руки сначала в быка, потом в свинью, а затем в барана, воздух наполнил смрадный запах внутренностей. Римлянин ловко извлек у каждого из животных сердце и бросил его в огонь, предлагая в жертву Марсу. Весь перемазанный кровью, он вытащил печени закланных и разложил на дощатом столе. Обтерев органы, Тит оторопел от изумления и знаком приказал остальным подойти поближе, после чего показал им печени одну за одной. На поверхности у каждой имелся большой изъян. Сердце подпрыгнуло у Сабина в груди – внутренности не совершенны! Ему приходилось видеть достаточно жертвоприношений, чтобы знать: печень с неестественными отметками является худшим из всех предзнаменований. А отметины на всех трех – наверняка настоящая катастрофа. Марс не расположен принять этого недоростка!

Подойдя поближе, Сабин хорошо разглядел форму отметин. Но пройдет много лет, прежде чем ему станет понятен их смысл.

Часть I

Аквы Кутиллиевы, пятьдесят миль к северу от Рима, 25 год н. э.

Глава 1

Аромат жарящейся свинины Веспасиан уловил, когда до расположенной на холме новой виллы родителей в Аквах Кутиллиевых оставалось проехать шагов сто. Закатное солнце, в направлении которого он двигался, еще сохраняло немного тепла, оно подсвечивало каменные стены и глиняную черепицу невысоких построек, заставляя их играть контрастными оттенками пурпура, янтаря и меди в обрамлении темных зарослей хвойных и фиговых деревьев, окаймляющих комплекс. Это место приятно было называть домом – расположенная в отрогах Апеннин вилла была окружена с севера и востока горами, с юга же и запада смотрела свысока на долину Реаты. Он считал его своим родным гнездом три из почти шестнадцати прожитых на свете лет, с тех самых пор, как семья перебралась сюда, пустив в ход деньги, заработанные отцом в должности сборщика налогов в провинции Азия.

Торопясь поскорее оказаться дома, Веспасиан ударил пятками во взмыленные бока коня, подгоняя уставшее животное. Он отсутствовал три утомительных дня, перегоняя пятьсот с лишком мулов с летнего пастбища в восточном краю имения сюда, поближе к вилле и зимним стойлам. Здесь, в тепле и сытости, вдали от снегов и ледяных горных ветров, скотине предстояло провести холодные месяцы. По весне мулы пойдут на продажу армии, но к тому времени появится молодняк и процесс начнется заново. Но животные, естественно, не желали расставаться с волей, и завязалась борьба, победу которой Веспасиану и его товарищам принесли несгибаемое упорство и разумное применение хлыста. Радость от успешно выполненного задания омрачала выявившаяся недостача некоторого количества голов.

Молодого человека сопровождали шестеро вольноотпущенников и Паллон, ставший управляющим имения после того, как два месяца назад его отец Сальвион был убит на дороге между Аквами Кутиллиевыми и другим семейным поместьем Фалакрины, где Веспасиан появился на свет. Будучи окружены со всех сторон холмами и оврагами, Аквы Кутиллиевы являлись идеальным местом для разбойников и приютом для беглых рабов. Негодяи нападали на стада и путников, едущих по Саларийской дороге, которая шла от Рима до Реаты и далее через Апеннины к Адриатическому морю. В последнее время только идиот пускался в путь без телохранителей, небезопасно было даже в окрестностях больших городов вроде Реаты, видневшейся на вершине далекого холма, в девяти милях к западу.

По мере приближения к вилле запах стряпни становился сильнее, бросалась в глаза и суета среди дворовых рабов. Подметив, что дом более оживлен, чем обычно, Веспасиан повернулся к Паллону и улыбнулся.

– Сдается, родители затевают пир, чтобы отметить возвращение героических перегонщиков мулов, одержавших ежегодную победу в борьбе с четвероногим неприятелем.

– И нам, несомненно, предложат раскрасить лица красным и с триумфом проследовать по имению, – отозвался Паллон, на которого веселое настроение молодого хозяина подействовало заразительно. – Вот бы еще мы проявили милосердие и взяли нескольких в плен, чтобы принести в жертву Марсу Победителю в благодарность за победу!

– Милосердие?! – с жаром вскричал юноша. – Милосердие к врагу столь безжалостному и ужасному, как тот, с которым нам пришлось иметь дело? Никогда, ведь это приведет к восстановлению мулов по всему имению. А тогда не пройдет много времени, и уже они поведут нас в триумфе. Ты же, Паллон, станешь рабом, будешь стоять в колеснице рядом с мулом-полководцем и нашептывать ему в длинное ухо: «Помни, ты всего только мул!»

Под смех и шуточки товарищей Веспасиан промчался сквозь массивные деревянные ворота имения.

Строения виллы располагались вокруг прямоугольного двора размерами шестьдесят шагов на тридцать. По одной из сторон размещался сам дом, тогда как три остальные занимали

конюшни, амбары, жилища вольноотпущенников, мастерские и бараки для полевых рабов. За исключением конюшни, во втором ярусе которой размещались домашние рабы, все здания были одноэтажными. Во дворе было полно людей: невольники, отпущенники и свободные. Все уважительно расступались перед Веспасианом, кланялись младшему сыну хозяина. Спешившись, юноша передал лошадь мальчишке-конюху и поинтересовался, чем вызвана суматоха. Паренек, непривычный общаться напрямую с господами, зарделся от смущения и на корявой латыни пролепетал, что не знает. Сообразив, что, возможно, никто за исключением самих членов семьи не сумеет дать ему ответ, Веспасиан решил выждать и спросить у отца, который наверняка призовет его, как только услышит от управляющего доклад о прибытии стада. Кивнув мальчишке, он направился к главному дому и вошел через боковую дверь прямо в перистиль – внутренний дворик, окруженный крытой колоннадой, из которой можно было попасть в его комнату. Надежды проскользнуть незаметно для матери разлетелись в прах, когда та вынырнула из табличия – комнаты, разделяющей перистиль и атрий.

– Веспасиан! – Ее голос заставил юношу застыть на месте.

– Да, мама, – настороженно отозвался он, встретившись с твердым взглядом матроны.

– Пока ты играл в поселянина, пришло послание от твоего брата. Он возвращается домой, мы ждем его сегодня вечером.

Пренебрежительный тон, каким были сказаны эти слова, напрочь отравил прекрасное настроение молодого человека.

– Выходит, приготовления не в честь моего трехдневного отсутствия на полях? – спросил он, не в силах удержаться от соблазна подразнить мать.

Та удивленно посмотрела на сына.

– Не будь таким дерзким – где это видано, чтобы чествовали за обычные хлопоты по хозяйству? Сабин служит Риму. В день, когда ты решишь последовать его примеру, а не болтаться по горам, братаясь с вольноотпущенниками и мулами, ты тоже сможешь рассчитывать на почести. А теперь иди и приведи себя в порядок. Надеюсь, сегодня вечером ты будешь вежлив с братом, хотя сомневаюсь, что твое отношение к нему изменилось за годы его отсутствия. Впрочем, не будет вреда, если ты постарайся и попробуешь с ним поладить.

– Я бы попробовал, мама, – отозвался Веспасиан, приглаживая пятерней мокрые от пота, коротко остриженные волосы темно-каштанового цвета. – Кабы он сам был ко мне расположен. Но все, что брат делал, это унижал и задирал меня. Но теперь я на четыре года старше, так что пусть лучше поостережется – ему теперь придется иметь дело не с одиннадцатилетним мальчишкой!

Веспасия Полла впиалась глазами в округлое, загорелое лицо юноши и обратила внимание на выражение непреклонной решимости, которое приобрели добродушные в любое другое время черты. Такого ей не доводилось видеть прежде.

– Хорошо, я поговорю с Сабинем и попрошу его поддерживать мир со своей стороны, как ты, надеюсь, будешь со своей. Не забывай: если ты не видел его четыре года, то для нас с отцом это восемь лет, потому как мы уже были в Азии, когда Сабин поступил в легион. У меня нет ни малейшего желания, чтобы ваши раздоры омрачили встречу.

Не дав ему шанса ответить, она зашагала по направлению к кухне. «Разумеется, сейчас начнет гнобить кухонных рабов», – подумал Веспасиан, спеша в комнату, чтобы переодеться. Вести о неизбежном приезде Сабина окончательно развеяли его хорошее настроение. Он совсем не скучал по брату, пока тот все эти четыре года нес службу военным трибуном, то есть младшим офицером, в Девятом Испанском легионе в Паннонии и Африке. Они никогда не ладили. Веспасиан никогда не понимал причин враждебности, да и не хотел понимать, просто принимал как данность – Сабин ненавидел его, а он платил ему взаимностью. Тем не менее братья есть братья, и ничего тут не изменишь, так что на людях оба держались с ледя-

ной вежливостью. Что же касается общения без свидетелей, то Веспасиан с очень юных лет научился не оставаться с Сабином с глазу на глаз.

В небольшой спальне Веспасиана ждал поставленный на сундук котел с теплой водой. Задернув занавес на входе, юноша скинул одежду и принялся смывать грязь, накопившуюся за три долгих дня борьбы с мулами. Управившись, он обтерся куском льняной ткани, после чего одел и скрепил поясом чистую белую тунику с тонкой пурпурной полосой по краю, являющейся знаком принадлежности к всадническому сословию. Вооружившись стилем и чистым свитком, Веспасиан уселся за стол, являвшийся, если не считать кровати, единственным предметом мебели в комнатухе, и начал переносить с восковой таблички на папирус пометки о числе перегнанных мулов. Строго говоря, это была работа управляющего, но молодому человеку нравилось вести записи и подсчеты, и он рассматривал свою работу как хорошую практику перед тем днем, когда ему перейдет по наследству одно из родовых имений.

Веспасиану всегда нравилось работать в поместье, хотя на всадника, занимающегося физическим трудом, смотрели искоса. Бабушка поощряла в нем этот интерес в течение тех пяти лет, которые они с братом прожили на ее вилле в Коце, пока родители были в Азии. В те годы мальчик неизменно уделял больше внимания вольноотпущенникам и рабам, работающим в поле, чем своему грамматик, то есть учителю. В результате его умения ритора и познания в литературе оставляли желать много лучшего, но если он чего-то не знал о мулах, овцах или виноградниках, то этого и знать не стоило. Единственное, в чем грамматик преуспел, так это в обучении подопечного арифметике. Впрочем, это объяснялось исключительно тем, что Веспасиан осознавал полезность предмета, без которого нельзя сосчитать прибыли и убытки в хозяйстве.

Юноша почти закончил собираться, когда в комнату, не постучавшись, вошел отец. Веспасиан встал, склонил в приветствии голову и стал ждать, когда к нему обратятся.

– Паллон сказал, что мы за этот месяц лишились шестнадцати голов. Это так?

– Да, отец. Я как раз подвожу итоги, но похоже, получается именно шестнадцать. Пастухи уверяют, что не в силах воспрепятствовать разбойникам то и дело щипать стада – у тех полно мест, где можно укрыться.

– Этому пора положить конец. Негодяи всю кровь из нас выпьют. Как только вернется Сабин, мы устроим для этого сброда ловушку, и будем надеяться, что кто-то в нее угодит. Тогда и посмотрим, что они предпочтут – висеть с прибитыми руками и ногами или держаться подальше от моей собственности!

– Да, отец, – осмелился бросить Веспасиан в спину уходящему родителю.

Тит остановился в дверях и посмотрел на сына.

– Ты молодец, Веспасиан, – сказал он, уже более спокойным тоном. – Сумел перегнать скот, задействовав так мало людей.

– Спасибо, отец. Мне это по нраву.

Пожилый римлянин коротко кивнул.

– Я знаю, – произнес он с не лишней сожаления улыбкой и вышел.

Польщенный похвалой отца, юноша закончил подсчеты и убедился, что они действительно лишились шестнадцати голов. Убрав доску, он лег на постель, чтобы отдохнуть до приезда брата. Но когда тот прибыл, полчаса спустя, это произошло так тихо, что Веспасиан проспал.

Он проснулся и вздрогнул – было уже темно. Испугавшись, что опоздал к обеду, Веспасиан соскочил с кровати и вышел в освещенный факелами перистиль. Из атрия доносился голос матери, и юноша направился туда.

– Нам следует использовать влияние моего брата Гая, чтобы поскорее добыть мальчику должность военного трибуна. – Голос принадлежал матери. Сообразив, что речь идет о нем, Веспасиан замедлил шаги. – В следующем месяце ему будет шестнадцать. Если парню суждено

пойти далеко, как уверяют предсказания при рождении, не стоит позволять ему и дальше околочиваться в имении, уклоняясь от службы семье и Риму.

Заинтригованный упоминанием про предсказания, Веспасиан подкрался ближе.

– Я понимаю твою озабоченность, Веспасия, – отозвался отец. – Но мальчик провел большинство своих юных лет, осваиваясь с поместьем, а не учась выживать среди политиков Рима, не говоря уж о легионах.

– Богиня Фортуна распрострет над ним руки, чтобы пророчество исполнилось.

Веспасиан с трудом сдерживался – ну почему мать выражается так обтекаемо?

– А как же Сабин? – спросил Тит. – Разве мы не должны сосредоточить все силы на нем, как старшем сыне?

– Ты уже разговаривал с ним прежде. Теперь он уже взрослый мужчина – амбициозный и жесткий в достаточной степени, чтобы постоять за себя. Вполне возможно, он может даже, перегнав моего брата, подняться выше претора, а это великая честь для семьи. Конечно, мы поможем ему всем, чем сможем, но Сабина достаточно поддерживать, а не толкать. Тит, неужели ты не видишь, что Веспасиан – это шанс нашего рода прославиться? Время пришло. Мы с пользой употребили в дело деньги, нажитые тобой в должности сборщика податей в Азии: ты задешево купил это поместье и успешно развил его. С учетом земель и моего приданого наше имущество было оценено во время последнего ценза в два с лишним миллиона сестерциев. Два миллиона, Тит! Такого состояния и влияния моего брата достаточно, чтобы обеспечить нашей семье два места в сенате. Но эти места надо заслужить, а этого не достичь, сидя здесь, среди холмов Сабинии.

– Допустим, ты права, и Веспасиану пора начинать строить карьеру. И готов согласиться, что его требуется подтолкнуть. Но не прямо сейчас. До того у меня есть нечто на уме для него и для Сабина, раз он вернулся. Все равно бесполезно затевать что-либо, прежде чем магистраты следующего года вступят в должность в январе.

Веспасиан слушал так внимательно, что заметил подкравшегося к нему человека, только когда рука последнего дернула его за волосы.

– Шныряешь вокруг и подслушиваешь, маленький братишка? Ничуть не повзрослел, значит? – Знакомый голос Сабина протяжно выговаривал слова, тогда как рука все сильнее тянула юношу за волосы.

Ткнув Сабина локтем в живот, Веспасиан высвободился, повернулся лицом к брату и присел, уклоняясь от летящего в нос кулака. Потом ударил в ответ. Сабин перехватил его руку и, выкрутив ее, заставил юношу опуститься на колени. Тот почел за лучшее прекратить драку.

– В тебе пробудились кое-какие зачатки боевого духа, не так ли? – произнес Сабин, недобро глядя на него. – Это несколько восполняет отсутствие хороших манер – очень невежливо не встретить старшего брата, с которым четыре года не виделся.

Веспасиан поднял глаза. Сабин изменился – пухлый шестнадцатилетний парень, терроризировавший его четыре года назад, превратился в мужчину. Вместо жира он нарастил мускулы, да и в росте прибавил пару дюймов. Округлое лицо брата приобрело некую угловатость, но в карих глазах над крупным, широким носом, являвшимся отличительной чертой всех мужчин семьи, горел знакомый мстительный блеск. Создавалось впечатление, что военная жизнь пошла ему на пользу. Сабин держался с надменностью, которая заставила Веспасиана воздержаться от едких реплик, вертевшихся на языке.

– Извини, Сабин, – пробормотал юноша, вставая. – Я собирался тебя встретить, но уснул.

Сабин вскинул брови в притворном удивлении.

– Однако спать полагается ночью, маленький братишка – ты уже вот-вот станешь взрослым, и пора бы усвоить эту истину. У тебя до сих пор сохранился деревенский выговор – как забавно! Идем, родители ждут.

Сабин шагнул в дом, оставив Веспасиана сгорать от стыда. Как мог он позволить брату восторжествовать над собой? Это было невыносимо. Приняв твердое решение никогда не позволять себе впредь дневного сна, юноша поспешил вслед за Сабиним, обдумывая на ходу интригующее упоминание о пророчестве. Родители об этом знают, но кто кроме них? Сабин? Едва ли – брат был тогда слишком мал. Впрочем, если он и знает, то ничего не скажет. К кому же обратиться? К родителям, и тем самым признать, что подслушивал? Не стоит.

Войдя через таблиний в центральную часть дома, братья попали в атрий. Тит и Веспасия ждали их, расположившись на ярко расписанных деревянных креслах рядом с имплювиумом – бассейном, в который через отверстие в центральной части крыши стекала дождевая вода. В каждом углу бассейна возвышалась колонна, поддерживающая потолок. Они были окрашены в темно-красный цвет, контрастировавший с бледно-зелеными, голубыми и желтыми мозаичными плитками пола, изображающими картины жизни и досуга семьи.

Октябрьская ночь была холодна, но атрий согревался от тепла как расположенной под полом печи, так и от большого очага, пылающего справа от таблиния. Мерцающий свет горящих поленьев и дюжины масляных ламп причудливо играл на посмертных восковых масках предков Флавиев, которые смотрели на потомков со своего убежища между очагом и ларарием – алтарем, посвященным домашним богам. Стены зала, едва различимые в тусклом свете, были украшены выполненными в красных и желтых тонах фресками на мифологические сюжеты и прорезались дверями, ведущими во внутренние комнаты.

– Садитесь, мальчики, – весело сказал отец, явно обрадованный, что впервые за восемь лет вся семья снова собралась вместе.

Братья опустили на стулья, поставленные напротив родительских. Одна молодая рабыня отерла им руки влажной тканью, другая подала каждому кубок подогретого вина с пряностями. Веспасиан обратил внимание, каким взглядом проводил Сабин удаляющихся девушек.

Тит плеснул несколько капель вина на пол.

– Благодарю богов нашего дома за благополучное возвращение моего старшего сына, – торжественно провозгласил он. Потом поднял кубок. – За ваше здоровье, дети мои.

Все четверо выпили, затем поставили чаши на низкий столик.

– Ну, Сабин, похоже, армия неплохо встретила тебя? Не какой-нибудь гарнизонной службой, но настоящей войной. Думаю, ты сам не мог поверить в такую удачу? – Тит хмыкнул, гордый тем, что его сын в свои двадцать уже стал закаленным ветераном.

– Да, отец, ты прав, – отозвался тот с самодовольной улыбкой. – Думаю, мы все приуныли, когда меня назначили в Девятый Испанский в Паннонии. Когда самое большее, что происходит, это мелкие грабительские набеги время от времени, отличиться трудно.

– Но тут тебе на выручку пришел бунт Такфарина в Нумидии¹, – вмешалась Веспасия.

– Нам надо благодарить богов за существование мятежных царьков, амбиции которых простираются дальше их престолов, – заявил Тит, подняв кубок и улыбнувшись первенцу.

Сабин с охотой поддержал тост.

– За Такфарина, сумасшедшего, угрожавшего перерезать африканские зерновые поставки в Рим и высланного послов на переговоры с императором!

– Об этом мы слышаны, – со смехом сказал Тит. – Тиберий приказал их казнить у себя на виду, приговаривая: «Никто, даже Спартак, не дерзал слать в Рим послов».

Сабин тоже расхохотался.

– А потом отправил нас в Африку, на подкрепление Третьему Августову – единственному размещенному в той провинции.

---

¹ Такфарин – нумидиец родом, служил в римской армии. Дезертировав, он поднял в 17 г. н. э. мятеж в Нумидии, который был подавлен в 24 г. н. э.

Пока Сабин рассказывал, Веспасиан, не найдя никого, кто мог бы поведать ему про предназначения, обратился мыслями к проблеме с похитителями мулов. Это для него было куда важнее, чем военные байки о мятежниках и долгих маршах, о которых он ничего не знал и не желал знать. Хотя Гиерон, греческий наставник в военном ремесле, добился от юноши немалых успехов в обращении с мечом – гладием, и металльным копьем – пилумом, и хотя тот благодаря крепкому сложению и крепким мышцам клал на лопатки большинство соперников, Веспасиан воспринимал себя в первую и главную очередь как земледельца. В этой области лежат его битвы, эти ежедневные схватки с природой в борьбе за право получать выгоду с отцовских земель. Пусть Сабин выбирает свой путь в этом мире и достигает успехов в курсус гонорум – последовательности военных и гражданских должностей.

– Помню, что сам чувствовал, отправляясь на войну, – донесся до Веспасиана голос отца, и юноша наострил уши. – Мы парили духом, не сомневаясь в победе, ведь Рим не принял бы иного исхода. Империя никогда не знала поражений. Варвары окружали нас, и мы не могли позволить им усомниться в силе Рима. Дикарям надо было усвоить, что от столкновения с империей может последовать только один результат, причем неизбежный: смерть для мужчин и рабство для детей и женщин.

– И не важно, какой ценой? – поинтересовался Веспасиан.

– Солдат должен охотно жертвовать жизнью во имя высшего блага Рима, – сурово отрезала мать. – В уверенности, что окончательная победа пойдет на благо его семьи, земли и избавит от врагов, грозящих уничтожить нас.

– Именно, моя дорогая! – воскликнул Тит. – Именно этот принцип связывает легион в единое целое.

– И благодаря ему наша мораль оставалась на высоте все два года, которые мы провели там, – добавил Сабин. – Мы знали, что должны сделать все для победы. То была грязная война – никаких правильных сражений, только набег, карательные походы и стычки. Но мы шайку за шайкой выкурили мятежников из убежищ в горах и разбирались с ними. Сожгли их укрепления, обратили в рабство жен и детей, и перебили всех мужчин, способных держать оружие. Работа медленная и кровавая, но мы с ней справились.

– Ну, что я говорил, Веспасиан? – Лицо Тита лучилось торжеством. – Теперь, когда Сабин вернулся, у нас есть человек, знающий, как надо иметь дело с отребьем, шныряющим среди холмов. Не пройдет много времени, и эти проклятые похитители мулов будут корчиться на крестах.

– Похитители мулов? Где они, отец? – спросил Сабин.

– В горах к востоку от имения, – ответил Тит. – И не только мулов – они увели несколько овец и лошадей, а еще убили Сальвиона два месяца назад.

– Сальвион погиб? Жаль это слышать. – Сабин помолчал, с симпатией вспомнив о добром слуге и о том, с какой заботой тот относился к нему в его детские годы. – Это уже само по себе повод для мести. Я соберу отряд из наших вольноотпущенников и покажу этому сброду, как римляне обходятся с подобными им.

– Я знал, что ты с готовностью возьмешься за оружие. Отлично, мальчик мой. Захвати с собой также и брата – самое время ему посмотреть на что-то помимо тыльной стороны мула.

Тит улыбнулся, давая Веспасиану понять, что просто шутит, но юноша и не думал обижаться – его вдохновляла перспектива свести счеты с похитителями скота, поскольку это пойдет на пользу имению. Вот эта война ему по нраву – нечто настоящее, рядом с домом, а не погоня за чудными племенами на краю света, о которых никто толком ничего не слышал.

Сабин не выразил энтузиазма, но отец настаивал.

– У вас появится шанс узнать друг друга получше и перестать вести себя, как недружные братья, что то и дело ссорятся и грызутся между собой.

– Как скажешь, отец.

– Так и скажу. Отправляйтесь вместе и устройте свою собственную маленькую африканскую кампанию с целью покончить со здешними бунтовщиками. Идет? – Тит рассмеялся.

– Если мальчикам, конечно, удастся переловить их при помощи жалкой горстки вольноотпущенников, – заявила Веспасия, стараясь умерить восторги мужа. – Легко воевать, когда за плечами у тебя поддержка целого легиона.

– Не переживай, мама, за два года в Африке я хорошо научился выманить жадных до добычи мятежников на открытое пространство. Я обязательно найду способ. – В голосе Сабина звучала твердость, побуждавшая Веспасиана верить ему.

– Вот видишь, Веспасия, – сказал Тит, протянув руку через стол и похлопав первенца по колену. – Армия сделала из нашего сына мужчину, так же как это было со мной и будет с Веспасианом, причем очень скоро.

Юноша вскочил и с тревогой посмотрел на него.

– У меня нет желания идти в армию, отец. Мне нравится здесь, помогать по хозяйству. Это то, что я способен делать хорошо.

Сабин фыркнул.

– Мужчина не имеет права на землю, если не сражался за нее, маленький братишка. Как сможешь ты смотреть в глаза своим товарищам в Риме, если не воевал бок о бок с ними?

– Твой брат прав, Веспасиан, – подхватила мать. – Все будут потешаться над человеком, обрабатывающим землю, которую никогда не защищал. Это ляжет позорным пятном на тебя и на честь нашей семьи.

– Тогда я не поеду в Рим. Мое место здесь, и здесь я хочу умереть. Пусть Сабин прокладывает себе дорогу в столицу, я остаюсь тут.

– И вечно будешь жить в тени брата? – отрезала Веспасия. – У нас два сына, и оба должны блистать. Для домашних богов будет нестерпимым оскорблением, если один из наших сыновей посвятит себя только сельскому хозяйству. Сядь, Веспасиан, и не будем больше об этом.

– Совершенно верно, – со смехом подхватил отец. – Тебе не к лицу торчать всю жизнь здесь, в горах, подобно какому-нибудь провинциальному невеже. Ты поедешь в Рим и поступишь в армию, потому что такова моя воля.

Тит взял кубок, допил остатки вина и резко встал.

– Как известно, человека судят в первую и главную очередь по достижениям его предков. – Римлянин сделал паузу и указал на погребальные маски пращуров, украшающие стену рядом с ларарием. – Если так, то моя значимость невелика, а вас двоих – еще меньше. Если мы хотим улучшить положение рода, вам обоим предстоит с боем проложить свой курсус гонорум, начав с самого низа. Это нелегко, но возможно, как доказали во времена старой республики Гай Марий и Цицерон. Впрочем, времена изменились. Чтобы преуспеть, требуется не только патронат людей, находящихся выше нас, но и поддержка чиновников императорского двора. А чтобы привлечь к себе их внимание, вам следует добиться успеха в двух областях, которые в Риме ценятся выше всего: проявить военную доблесть и административные способности.

Тит помолчал немного, потом продолжил.

– Сабин, ты уже выказал себя умелым солдатом. Ты, Веспасиан, скоро последуешь за ним на этом пути. Но способности администратора имели возможность выказать вы оба посредством участия в управлении родовым имением. Это та область, Сабин, к которой ты проявил очень незначительный интерес.

Тут Веспасия обвела сыновей взглядом и по ее губам скользнула легкая гордая усмешка. Она поняла, к чему клонит муж.

– Первым шагом Веспасиана станет служба в легионе в качестве военного трибуна. А твой следующий шаг, Сабин, подразумевает административную должность в Риме, в числе вигинтивиров – комиссии из двадцати младших магистратов. Предлагаю вам в течение следующих двух месяцев поделиться друг с другом имеющимися знаниями. Веспасиан покажет, как

управлять имением. Взамен ты, Сабин, преподашь ему основы военной науки, необходимые легионеру не только, чтобы выжить, но и преуспеть.

Молодые люди расширившимися глазами смотрели на отца.

– Возражения не принимаются. Это моя воля, и вам предстоит ее исполнить, как бы вы ни относились друг к другу. Ради общего блага семьи вам надлежит забыть все мелкие обиды, существующие между вами. Быть может, вы научитесь ценить друг друга так, как вам никогда не удавалось прежде. Приступайте, как только покончим с этими похитителями мулов. Один день учителем будет выступать Сабин, на следующий – его роль примет Веспасиан, и так далее до тех пор, пока я не увижу, что вы оба готовы отправляться в Рим. – Тит посмотрел на сыновей сверху вниз и встретился с каждым по очереди взглядом.

– Вы согласны? – спросил он тоном, допускавшим только один ответ.

Братья переглянулись. Какой им оставался выбор?

– Да, отец, – сказал каждый.

– Хорошо. Приступим к еде.

Тит повел семью в триклиний, где все было готово к пиру, и хлопнул в ладоши. В один миг комната наполнилась толпой домашних рабов, несущих блюда с кушаньями. Варон, управляющий домом, приказал подопечным выждать, пока почтительные молодые рабыни не устроят семью на трех больших кушетках, расставленных вокруг низкого квадратного стола. Девушки сняли с мужчин сандалии, заменив их легкими тапочками, затем разложили перед обедающими салфетки и снова обтерли им руки. Когда все было готово, Варон приказал подать первую перемену: густацию.

Сабин обвел взглядом тарелки с оливками, жареной свининой и миндальными колбасками, салатом-латуком с луком-пореем, кусочками тунца с резаными вареными яйцами. Выбрав самую зажаренную колбаску, он разломил ее пополам и посмотрел на брата.

– Сколько разбойников прячется в горах?

– Боюсь, я понятия не имею, – признался Веспасиан.

Сабин кивнул, положил кусок колбасы в рот и принялся жевать, громко чавкая.

– Значит, поутру первым делом и выясним, – сказал он.

Глава 2

– Они приходят вон оттуда, – сообщил Веспасиан Сабину, указывая на скалистый холм напротив. – В том направлении на многие мили нет ничего кроме гор и оврагов.

Был третий час дня. Они спешили, не доезжая до гребня холма, после чего, пригнувшись, преодолели последние несколько футов, отделяющие их от вершины, и огляделись. Внизу расстиралось поросшее густой травой пространство, которое примерно через полмили заканчивалось оврагом, дальше уходили к востоку горные склоны. Справа от них лес, начавшийся на гребне холма, сбегал вниз почти на половину расстояния до оврага.

Сабин некоторое время изучал ландшафт, разрабатывая план. Братья выехали сразу после рассвета, захватив с собой Паллона, полдюжины других вольноотпущенников и две дюжины мулов. Паллон, горевший желанием отомстить за отца, сам отбирал людей. Все они работали в имении либо надсмотрщиками за рабами, либо десятниками, либо являлись искусными ремесленниками. Трое младших: Гиерон, Лик и Симеон родились, как и Паллон, в неволе. Остальные: Басей, Атафан и Людовик, здоровенный рыжебородый германец, попали в плен в ходе приграничных стычек, по той или иной причине избежали казни и были проданы в рабство. Этим людей объединяло одно – за преданную службу семье Тит отпустил их на свободу, и теперь они стали римскими гражданами, носящими фамилию Флавиев и готовые при необходимости умереть за своего патрона. У каждого поперек коня была приторочена связка с десятью дротиками, а справа на поясе висел короткий меч – гладий.

У всех имелись также охотничьи луки. Но Басей – пожилой, приземистый скиф с раскосыми глазами, и Атафан – рослый, прекрасно сложенный парфянин средних лет, вооружились короткими, изогнутыми составными луками, какие предпочитают восточные всадники.

– Так, парни, вот здесь мы и оставим нашу наживку, – сказал, наконец, Сабин. – Веспасиан, бери Басея и гони мулов вниз по склону. Привяжите каждого по отдельности между оконечностью леса и оврагом. Потом разбейте палатку и разложите костер побольше. Дрова, по возможности, найдите сырые, чтобы дымили. Пусть все узнают о вашем присутствии.

Потом он обратился к управляющему.

– Паллон, тебе с Ликом и Симеоном предстоит прокрасться за холмом и спуститься в паре миль к северу отсюда в овраг. По нему вы пройдете в обратном направлении, чтобы оказаться на дальней стороне поля. Старайтесь держаться как можно ближе к мулам, но так, чтобы вас не могли заметить с возвышенностей напротив. Я с остальными пройду по кромке леса и тоже расположусь как можно ближе к мулам. Веспасиан, дай нам час на занятие позиций, после чего отправляйся с Басеем вверх по холму, как будто на охоту. На самом деле укройтесь за деревьями и живо присоединяйтесь к нам. Потом останется только ждать. Если повезет, и разбойники заглотят наживку, мы дадим им добраться до мулов, а потом нападём. Паллон со своими ребятами должен будет отрезать путь отступления к оврагу, а наша задача нанести удар.

Довольный собой, Сабин обвел взором свой отряд. Все закивали в знак согласия. План выглядел вполне разумным.

Веспасиан с Басеем прокрались по лесу, ведя лошадей в поводу. Мулы были надежно привязаны длинными веревками, палатка стояла, а костер полыхал вовсю. Вскоре на опушке они заметили Сабина и его товарищей, которые, спрятав коней среди деревьев, сидели в засаде. Веспасиан сел рядом с братом.

– Я видел, как ребята Паллона спустились в овраг в двух милях к северу. Надеюсь, больше их никто не заметил, – прошептал юноша.

– Не важно, даже если так, – буркнул Сабин. – Никому не придет в голову связать их с мулами. Решат, что это еще одна группа беглецов вышла поохотиться.

Отряд приготовился ждать. В сотне шагов ниже по склону мирно пощипывали травку мулы. День клонился к закату, костер догорал, пока от него не стала подниматься лишь тонкая струйка дыма.

– А что будем делать, если совсем стемнеет? – спросил Веспасиан, разломив каравай хлеба и протянув половину брату.

– Отправлю пару ребят подновить костер и проверить мулов, но думаю, так долго ждать нам не придется, – ответил Сабин, преодолев врожденную антипатию к брату и взяв предложенный хлеб. – Что ж, маленький братишка, мне предстоит сделать из тебя легионера, а ты будешь учить меня считать мулов и прочей чепухе. Лучше постарайся, чтобы я недаром потратил время.

– Все гораздо сложнее, чем просто подсчеты. Поместье велико, забот требует огромных. На нас работают вольноотпущенники. Взамен небольших земельных наделов они изготавливают нам сельскохозяйственные орудия, стригут овец, скрещивают кобыл с ослами, ухаживают за новорожденными мулами и ягнятами, надзирают за рабами в полях и прочее.

Вопреки безразличию, написанному на лице брата, Веспасиан с энтузиазмом продолжал.

– Потом есть собственно рабы. Они выполняют разные поручения, в зависимости от сезона: пашут землю, подрезают лозу, собирают урожай хлеба и винограда, мелют зерно, выжимают оливковое масло, дают виноград, изготавливают амфоры. Какой смысл получить триста пинт вина или оливкового масла, если для них нет тары? Так что обо всем надо подумать загодя, использовать рабочую силу с умом, и в каждое время года получать от работника наибольшую пользу.

Он помолчал немного.

– Опять же, всех надо накормить, одеть и разместить, что подразумевает закупку множества разных товаров. Все надо приобретать заблаговременно, в тот сезон, когда тот или иной товар дешевле, так что надо знать местный рынок. И наоборот: наши продукты следует продавать в самый выгодный для нас момент. Всегда все просчитывай, Сабин, постоянно продумывай все наперед. Знаешь, что нужно нам продавать сейчас?

– Понятия не имею, но подозреваю, ты мне скажешь.

Веспасиан с улыбкой посмотрел на брата.

– Подумай, а завтра, во время первого урока, ответишь.

– Идет, хитрая маленькая дрянь, только это будет не завтра. Завтра моя очередь. – Взгляд Сабина не сулил ничего хорошего. – И начнем мы с марш-броска, двадцать миль за пять часов, а потом упражнения с мечом.

Веспасиан закатил глаза, но возражать не стал. Кладя в рот кусок каравая, он подумал, что в ближайшие два месяца Сабину представится куда больше шансов причинить боль ему, Веспасиану, чем наоборот. Юноша постарался выбросить эту мысль из головы и, жуя хлеб, обвел взором окрестности.

Солнце, давно миновавшее зенит, оказалось теперь за спиной у засады, ярко освещая скалистый склон на противоположной стороне оврага. Разглядывая его, Веспасиан заметил мелькнувшую на долю секунды вспышку и толкнул брата локтем.

– Смотри, там, возле упавшего дерева, – прошептал он, указывая туда, где заметил свет. – Я видел, как что-то блеснуло.

Сабин повернулся в указанном направлении. Снова вспышка. В жарком мареве смутно виднелась группа примерно из десяти человек. Ведя лошадей в поводу, люди пробирались по узкой тропе, петляющей среди скал и утесов, по направлению к оврагу. Достигнув конца склона, они торопливо попрыгали в седла и проехали по оврагу шагов сто в южном направлении. Тут местность становилась ровнее, и всадники спустились к реке, переправились через поток и начали подниматься к пастбищу Флавиев.

– Отлично, ребята, у нас гости! – воскликнул Сабин. – Выждем, пока они не отвяжут большинство мулов, потом обрушимся на них – свободные животные затруднят им отход. Во время атаки кричите как можно громче. Те, кто способен пустить стрелу на скаку, стреляйте, остальные пусть выжидают до тех пор, пока не окажутся на расстоянии броска дротика, и пользуются ими. И не забывают про мулов.

– Насчет этого не беспокойся, Сабин, – мрачно отрезал Паллон. – Я не намерен растрачивать дротики на мулов.

Остальные усмехнулись и направились к лошадям.

– Держись поближе ко мне или к Паллону, маленький братишка, – буркнул Сабин, пока они, по возможности без суеты, садились на коней. – Отец рассчитывает получить тебя обратно одним куском. Никаких подвигов. Для нас нет никакой разницы, захватим ли мы этих ублюдков живыми или мертвыми.

Мысль, что он, лично он может убить человека, потрясла Веспасиана – за свою жизнь, достаточно мирную, ему никогда не приходилось творить расправу над разбойниками. Впрочем, взгромоздясь на лошадь, он старался не подавать виду – нельзя дать брату повод относиться к нему хуже, чем это уже есть. Юноша крепче стиснул бока коня бедрами и извлек пять легких дротиков из притороченного позади седла запаса. Четыре он поместил в левую руку, сжимавшую также поводья, а пятый взял в правую. Указательный палец Веспасиан пропустил сквозь ременную петлю, привязанную почти посередине древка, – это устройство действовало по принципу пращи, значительно увеличивая силу и дальность броска дротика. С подготовкой было покончено. Молодой человек обвел взором остальных – его товарищи тоже проверяли снаряжение, но с видом полного безразличия – им уже приходилось бывать в подобных переделках прежде. Юноша почувствовал себя зеленым новичком. Во рту пересохло.

Отряд молча наблюдал, как беглые рабы медленно, чтобы не напугать мулов, поднимаются по склону. Двое из них остались в овраге, на случай, если понадобится прикрыть отход.

– Паллон разберется с ними, – промолвил Сабин, обрадованный, что численный перевес противника несколько сократился.

Веспасиан насчитал одиннадцать разбойников. Те ехали верхом на причудливом собрании коней и пони, все животные, без сомнения, были украдены в их имени или других близлежащих поместьях. Одеждой бродягам служили, как правило, жалкие лохмотья, кое-кто носил штаны, на манер северных или южных варваров. У пары на плечи были наброшены хорошие плащи – видимо, собственность богатых путешественников, сделавшихся жертвой набега. Никто не брился уже много недель, всклокоченные бороды и длинные волосы придавали шайке зловещий вид, который, по мнению Веспасиана, вполне мог иметь отряд дикарей, совершающий рейд на отдаленный край империи.

Разбойники добрались до мулов. Шестеро из группы спешили и крадучись двинулись к палатке. По сигналу они пронзили копиями кожаный тент, намереваясь убить всех, кто может оказаться внутри. Обнаружив, что палатка пуста, эти шестеро принялись отвязывать животных. Их товарищи описывали неспешные круги, сбивая встревоженных мулов в кучу, и держали наготове дротики и луки на случай, если пастухам вздумается вернуться.

Сабин ударил лошадь по бокам и выскочил из укрытия.

– Бей ублюдков, парни! – заорал он во весь голос. – Не выпускайте ни одного!

Соратники помчались за ним, разворачиваясь лавой. Каждый издавал присущие его народу боевые кличи. За считанные мгновения они преодолели полпути до смешавшихся бандитов. Те из последних, кто спешил, лихорадочно пытались разыскать среди табуна перепуганных мулов своих лошадей. Выдернутые из земли веревки мешались, опутывая ноги и людей, и животных.

Басей и Атафан пустили первые стрелы. Забыв кричать, Веспасиан замороженно следил, как лучники натягивают и спускают тетиву с такой скоростью, что две стрелы еще летели в

воздухе, а следом уже отправлялась третья. При этом стрелки еще ухитрились управлять с помощью одних только ног своими скакунами.

Стрелы врезались в толпу, свалив двоих из грабителей и мула. Животное упало с пронзительным воплем, молотя копытами всех, кто оказался рядом, и еще сильнее усугубив панику.

– Я же приказывал быть поосторожнее с чертовыми мулами, идиоты! – взревел Сабин, обращаясь к Басею и Атафану, которые приняли влево, чтобы не угодить в свалку.

Конные разбойники выбрались из хаоса и ринулись вверх по склону, навстречу засаде, стреляя на скаку из луков. Левое ухо Веспасиана обдало потоком воздуха от пролетевшей мимо стрелы, и юноша ощутил приступ страха. Он смотрел, как Сабин, Людовик и Гиерон метнули дротики. Инерция движения придала броску дополнительную мощь. Два дротика вонзились в цель с такой силой, что один прошел насквозь живот всадника и воткнулся в круп коня, который забился в агонии, стараясь сбросить кричащего от боли наездника. Второй пробил череп одной из лошадей. Та рухнула как камень, придавив своего хозяина и забрызгав его и товарищей горячей, липкой кровью. Для троих остальных этого оказалось достаточно. Они повернули и помчали во весь опор к оврагу, где им было не суждено уже найти двоих оставленных в качестве арьергарда сообщников.

– Предоставим их Паллону! – прокричал Сабин, поворачивая вместе с Людовиком обратно к мулам.

Веспасиан, сгорая от стыда, что растерялся, последовал за ними, предоставив Гиерону покончить с разбойником, которому удалось выбраться из-под рухнувшей лошади. Вскочив на ноги, негодяй как раз успел протереть глаза от крови, чтобы увидеть клинок Гиерона, летящий к нему на уровне шеи. Отрубленная голова упала на землю и удивленно тарасилась выпученными глазами на дергающееся, укороченное тело, пока мозг не покинули последние капли крови, а вместе с ними и жизнь.

Басей с Атафаном поработали на славу. Еще трое грабителей валялись в траве, утыканные стрелами, а шестой удирал во все лопатки. Сабин выхватил меч и поскакал за ним. Негодяй обернулся через плечо, и хотя понимал, что шансов нет, прибавил ходу. Но все без толку. Сабин настиг его через мгновение и плоской стороной меча ударил по голове, свалив с ног.

Обернувшись в сторону оврага, Веспасиан заметил, как из троих удирающих всадников один повалился спиной с седла, сбитый стрелой. Его товарищи, заметив, что путь к отступлению отрезан, а двое приятелей из арьергарда лежат на земле с перерезанными глотками, тут же поворотили коней к северу, вдоль оврага, и погнали во весь опор. Понимая, что они уйдут, если он ничего не сделает, юноша бросил свою лошадь в галоп. Желание не дать мерзавцам ускользнуть от расплаты, дополняемое истовым стремлением обелить себя в собственных глазах, породило в нем новое, неожиданное ощущение – жажду крови. Ветер развеивал гриву коня, пока Веспасиан летел, пересекая склон по диагонали и приближаясь к двум всадникам. Молодой человек осознавал, что Сабин и Гиерон скачут следом, приказывают ему подождать, но понимал он и то, что нельзя терять времени.

Угол между ним и врагами быстро сходился. Приподнявшись в седле, Веспасиан собрал все силы и метнул дротик в передового бандита. Оружие глубоко вонзилось в живот коню, заставив животное полететь кувырком через голову. Конь сбросил всадника, который с ужасающим хрустом ударился спиной о землю. Второй беглый вынужден был придержать лошадь, чтобы объехать бьющего копытами скакуна товарища, и тем самым дал Веспасиану шанс нагнать его. Грабитель яростно взмахнул мечом, целясь Веспасиану в голову. Юноша пригнулся и одновременно врезался в потерявшего равновесие противника. Оба кубарем полетели вниз, перекатываясь друг через друга и пытаясь схватить врага за что придется: руку, горло, волосы. Остановившись, Веспасиан, потерявший ориентацию, весь измочаленный, понял, что лежит под разбойником. Стремясь выбраться наверх и глотнуть воздуха, он ощутил, как на его лицо обрушился кулак. Юноша вздрогнул от нестерпимой боли и услышал, как хрустнул нос.

Кровь брызнула в глаза. Две сильные руки вцепились ему в шею, и он понял, что сражается за свою жизнь – желание убивать сменилось стремлением выжить. Перепугавшись и тщетно пытаясь не дать противнику усилить хватку, он с силой дернулся влево, потом вправо. Его глаза начали вылезать из орбит. Сквозь кровавую пелену Веспасиан разглядел лицо разбойника – потрескавшиеся губы негодяя разошлись в щербатой ухмылке, а зловонное дыхание вызывало тошноту. Юноша изо всех сил колотил его по голове, но хватка на горле только усиливалась. Уже на грани беспамятства он услышал глухой удар и почувствовал, что противник вздрогнул. Веспасиан сфокусировал взгляд. Глаза разбойника широко раскрылись от боли, а челюсть отвисла. Из правой ноздри торчал окровавленный наконечник дротика.

– Что я говорил насчет подвигов, маленькое тупое дерьмо?

Сквозь кровавый туман Веспасиан с трудом разглядел Сабина. Тот стоял, сжимая обеими руками древко дротика, тем самым принимая на себя вес обмякшего бандита. Презрительно отпихнув тело, легионер протянул руку и помог брату встать.

– Ну ладно, – сказал он с ехидной усмешкой. – Видок у тебя еще тот, но можно сказать, что ты легко выпутался из своего небольшого приключения. Быть может, это научит тебя впредь слушаться тех, кто старше и умнее.

– А второго я убил? – кое-как промямлил Веспасиан, рот которого был полон крови.

– Нет, ты прикончил лошадь, а лошадь убила его. Пойдем, остался один живой, которого можно пригвоздить.

Юноша отодрал от туники мертвого разбойника кусок ткани и, приложив к разбитому носу, пошел вверх по холму. Материя жутко воняла, но это только помогло ему прийти в чувство. Адреналин схлынул, и голова теперь раскалывалась от боли. Он с трудом дышал и вынужден был опираться на Сабина. Гиерон шел следом, ведя в поводу коней.

Они подошли к мулам, постепенно успокаивающимся после пережитого страха. Басей и Атафан согнали назад убежавших животных и поймали восемь из лошадей разбойников. Паллон и Симеон хлопотливо связывали животных в колонну. Убито было только два мула, четыре получили ранения, но со временем должны были поправиться.

– Неплохой итог дня, ребята? Потеряли двух мулов, приобрели восемь лошадей, – хмыкнул Сабин, обращаясь к Басею и Атафану. – Отец наверняка не станет привлекать вас к ответу за промахи в стрельбе.

Басей расхохотался.

– Мы разжились бы еще тремя коняшками, если твои метальщики дротиков целились во всадников, а не в скотину!

Атафан хлопнул приятеля по плечу.

– Хорошо сказано, мой маленький приземистый друг! Лук куда лучше дротика – мои деды доказали это семьдесят лет назад при Каррах!

Сабину не понравилось упоминание про крупнейшее поражение Рима на Востоке, когда семь легионов Марка Красса почти полностью растаяли под дождем из парфянских стрел. Семь легионных орлов было потеряно за один этот день.

– Может быть, долговязый клювоносый лошадиник. Да только ты теперь тут, попал в плен к настоящим солдатам, которые стояли и дрались, а не стреляли и убегали. Что с тобой тогда стряслось – стрелы кончились?

– Может, я и тут, да только снова свободен, тогда как косточки ваших легионеров до сих пор лежат в песках моей родины и больше никогда не встанут.

Сабин не стал препираться – парни хорошо дрались и получили право немного выпустить пар. Он оглянулся, ища глазами пленника. Тот лежал на животе и еще не пришел в сознание.

– Так, давайте вздернем его на крест и пойдем домой. Лик, выкопай дыру, прямо здесь мы его и поставим.

Вскоре Людовик и Гиерон вернулись из лесу, притащив две свежесрубленные толстые ветки. При помощи специально прихваченных из дому инструментов вольноотпущенники сделали пазы в древесине, приладили крестовину и начали прибивать ее гвоздями. Шум заставил распростертого пленника очнуться. Он поднял голову, огляделся и, увидев крест, разразился криками. Веспасиан заметил, что разбойник даже младше его.

– Сабин, давай не будем – парню всего лет четырнадцать.

– И что ты предлагаешь, маленький братишка? Сковать ему руки, обозвать негодным мальчишкой, наказать не воровать впредь мулов и отослать прежнему владельцу? Который, если у него есть хоть какие-то мозги в голове, сам распнет его?

Ужас расстаться в таком юном возрасте с жизнью, перенесенный недавно Веспасианом, побудил его проникнуться сочувствием к беде малолетнего вора.

– Ну, мы можем взять его с собой и превратить в полевого раба. Парень выглядит достаточно крепким, а хороших сельскохозяйственных рабочих сейчас трудно найти, и они дороги.

– Чушь. Маленький ублюдок уже сбегал, кто поручится, что он не поступит так снова? Кроме того, нам нужно кого-то пригвоздить для острастки, а его угораздило попасться. Тебе было бы легче, лежи он здесь, утыканный стрелами, а мы распяли какого-нибудь старого седого разбойника? Какая разница? Конец все равно один. Давайте вздернем его.

Веспасиан посмотрел на бьющегося в истерике мальчишку, не отрывающего от него умоляющего взгляда, и признав, что Сабин прав, отвернулся.

Паллон и Гиерон подняли верещащего и сопротивляющегося изо всех – не слишком значительных – сил пленника на крест.

– Пощадите, прошу вас, господа! Пощадите! Я все отдам! Все сделаю, все! Умоляю!

Паллон отвесил ему пощечину.

– Перестань скулить, мелкое дерьмо! Что ты можешь нам предложить? Свою тугую задницу? Мерзавцы вроде тебя убили моего отца, так что ты даже такого утешения от меня не дождешься!

Плюнув ему в лицо, управляющий перерезал путы и вместе с Ликом развел руки упирающегося паренька по перекладинам креста.

Гиерон и Басей держали ноги, а Людовик вооружился молотком и гвоздями. Опустившись на колени у правой руки разбойника, германец наставил острие под основание большого пальца. Серией мощных ударов он прогнал полудюймовой толщины гвоздь через ладонь в дерево, раскалывая кости и раздирая сухожилия. Веспасиан даже не представлял, что человек способен производить звуки, подобные тем, какие издавал мальчишка во время этой пытки. Крик, начавшийся от гортанного рыка и перешедший в пронзительный визг, проникал, казалось, в самое нутро юноши.

Людовик переместился к другой руке и проворно прибил ее к кресту. Даже Паллону не доставило удовольствия наблюдать, как гвозди проходят сквозь дергающиеся ноги парня. Крики вдруг прекратились, мальчишка впал в прострацию и просто пялился в небо, учащенно дыша. Его рот исказился в гримасе муки.

– Слава богам, – провозгласил Сабин. – Установите крест, потом подтащите под него туши двух убитых мулов. Это послужит достаточно ясным посланием.

Вольноотпущенники воткнули крест в ямку и, придерживая, вбили по кругу клинья. Едва они закончили, как крики возобновились, но на этот раз вопли слышались время от времени, словно парню не хватало воздуха. Единственный способ наполнить легкие означал для него необходимость подтянуться на кистях, отталкиваясь пробитыми гвоздями ногами. Вскоре ему стало слишком больно выносить пытку, и он снова обмяк, но быстро обнаружил, что задыхается. Этот кошмарный цикл мальцу предстояло повторять раз за разом, пока через день или два силы совсем его не оставят и он не умрет.

Отряд отправился в обратный путь под эхо разносящихся по долине криков. Веспасиан знал, что никогда не сможет забыть лица паренька и ужаса, которое оно выражало.

– Сабин, а что, если дружки придут и снимут его?

– Прийти они могут, а вот снимать вряд ли станут. Даже в том маловероятном случае, что негодяй выживет, руками он никогда не сможет снова овладеть, и ходить будет с трудом. Нет, если сообщники и появятся, то просто проткнут копьем его сердце и отправятся восвояси. Зато получают хороший урок.

Крики преследовали их на протяжении времени, показавшегося вечностью. А потом вдруг резко оборвались. Дружки парня все-таки пришли.

Глава 3

Было еще темно, когда правая нога Сабина пришла в соприкосновение с левой ягодицей Веспасиана, заставив юношу выкатиться из кровати на пол.

– Подъем, легионер! – взревел Сабин на манер центуриона. – Если хочешь получить горячий завтрак до того, как на рассвете мы отправимся в марш-бросок, вставай и разводи огонь!

Веспасиан сел и огляделся.

– Ты о чем? – сонно спросил он.

– О том, что если хочешь поесть, то лучше сделай это сейчас, потому как на рассвете мы начинаем марш. Куда еще яснее? Давай, шевелись! Вот дрова, растопка, кухонные принадлежности легионера и рацион из ранца.

– А как же ты? – поинтересовался Веспасиан, поднимаясь.

– О, не беспокойся обо мне, маленький братец, это ведь не я нахожусь на обучении. Меня завтрак ждет в триклинии.

И он отправился трапезничать, предоставив Веспасиану сражаться в темноте с сандалиями и проклинать боль в носу. Его по возвращении домой вправила Хлоя, старая рабыня-гречанка, отец которой был врачом. Она была единственным человеком в поместье, имевшим медицинские знания. Женщина помогала отцу до самой его смерти, а потом запродавалась в рабство, единственной альтернативой которому была нужда. Хлоя со шелчком поставила хрящ на место – операция оказалась более болезненной, чем сама травма, – после чего наложила припарку из влажной глины с растениями и медом, надежно укрепив ее повязкой. За ночь припарка затвердела и теперь давила на распухший нос.

Выйдя на двор, юноша обнаружил все принадлежности сваленными в кучу на земле. Поплотнее закутавшись от предрассветной прохлады в плащ, Веспасиан принялся деятельно, насколько позволяла мгла, разводить костер.

Когда пламя осветило все вокруг, он наконец разглядел свой рацион – чашку ячменя, толстый кусок сала, ломтик твердого сыра, пинту воды и мех кислого вина. Рядом с продуктами стоял простой котелок. Не имея в запасе большего опыта, нежели поджаренный на походном костре кролик или цыпленок, Веспасиан растерялся. Поскольку время поджимало, он решил свалить все, кроме вина, в котелок и сварить.

Несколько минут спустя получилось густое месиво, выглядевшее крайне неаппетитно, но более-менее съедобное. Молодой человек не успел прикончить и половины каши, проглатывать которую помогало вино, когда прискакал на лошади Сабин. Первые лучи солнца уже окрасили нежно-розовым светом неровные вершины гор, а цикады, радуясь приходу дня, подняли неумолчный треск.

– Гаси огонь и закопай кострище, – приказал брат. – А это тебе для кухонных принадлежностей.

Он сунул юноше прочный шест с переладиной на одном конце, к которой был приторочен большой ранец.

– Что это? – спросил Веспасиан.

– В этом, мой отважный маленький братишка, и заключается разница между приятной загородной прогулкой и марш-броском. Весит он примерно столько же, сколько ранец легионера. Ну, или примерно, я уже точно не помню, поэтому был щедр, – с невинной улыбкой ответил Сабин.

– Не сомневаюсь, – буркнул Веспасиан, выбрасывая остатки еды в костер и забрасывая огонь землей.

Привязав котелок к боковой стороне ранца, он взвалил конструкцию на спину. И поморщился от тяжести.

Сабин сверху вниз посмотрел на брата.

– Теперь ты понимаешь, почему легионеров называют «мариевыми мулами»? Учитывая слабость, которую питаешь ты к этим животным, тебе наверняка понравится побывать в их шкуре. Но, поехали, маленький братец! – Расхохотавшись собственной шутке, он тронул коня, предоставив юноше следовать за ним.

– А почему ты не идешь со мной? – крикнул ему в спину Веспасиан.

Сабин обернулся, и лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Я же говорил – это не мне надо пройти обучение.

Они проделали около мили, прежде чем Сабин придержал коня, давая брату поравняться с собой. Потом извлек из сумки короткий тростниковый свисток и дунул в него. Сделал небольшую паузу, потому дунул снова.

– Это стандартный армейский ритм: три широких шага за промежуток между свистками: пять часов такого хода с двумя короткими остановками, чтобы попить, позволяют пройти двадцать миль за день.

Сабин прервался, отхлебнул, для вящего эффекта, глоток воды из меха, после чего продолжил лекцию.

– Такова скорость легиона или его подразделения, перемещениям которого не препятствует обоз. Если нужно двигаться быстрее, переходят на быстрый марш, который составляет три с половиной шага за интервал между свистками. Итого двадцать четыре мили за пять часов. Но если речь идет о большой армии, со всем сопутствующим скарбом, за пять часов удастся пройти всего десять-двенадцать миль. Приходится равняться по скорости самого тихоходного компонента – то есть воловьих упряжек, тянущих фургоны и осадные орудия. – Сабин посмотрел на брата, кожа которого в начинающейся жаре обильно покрылась потом. – Но для наших целей мы сосредоточимся на скорости отдельного подразделения. Если ты сможешь выдерживать ее, то марш в составе смешанной колонны покажется тебе праздником.

И он дал свистком сигнал к продолжению марша.

– Но почему армия находится в пути всего пять часов? – спросил Веспасиан, пройдя еще несколько сот шагов. – Но не то, чтобы я хотел идти дольше, – торопливо добавил он.

– Сам догадайся. Где просыпается легион поутру? – отозвался старший брат, вытащив изо рта свисток, но не замедляя хода.

– В лагере, – ответил юноша.

– Верно. А где засыпает?

– В другом лагере.

– Именно. А кто строит этот лагерь? Быть может, боги делают его по волшебству прямо из воздуха? – Сабин явно наслаждался собой.

– Ну, легионеры, конечно, – раздраженно ответил Веспасиан. Заливавшийся под прищечку пот начал досаждать ему.

– Угадал, маленький братишка. На то, чтобы выкопать ров, возвести частокол, установить палатки и, самое главное, приготовить пищу, уходит большая часть из оставшихся светлых часов. Таков основной распорядок дня легионера: побудка, завтрак, свертывание лагеря, марш, постройка нового лагеря, ужин, сон. Разумеется, есть еще много чего: караульная служба, учения, фуражировка, уборка отхожих мест, забота о снаряжении и так далее. Но все это подчинено одной большой цели: легионер должен прибыть, готовый и полный сил, в нужное место и делать то, для чего предназначен сражаться и убивать, будь то мелкая стычка или настоящая битва.

– А ты участвовал в настоящей битве? – спросил Веспасиан, любопытство в котором переборолло антипатию к брату.

– Мятеж в Африке не был похож на правильную войну. Нумидийская армия Такфарина состояла по преимуществу из кавалерии и легкой пехоты. Эти подлые ублюдки вечно не давали нам покоя: убивали оставших, нападали на фуражиров, но не вступали в сражение. Единственная битва произошла в самом начале бунта, и Третий Августов задал мерзавцам хорошую трепку. После этого они сменили тактику – стали держаться подальше от легиона и нападать на разрозненные отряды. За несколько месяцев до нашего прибытия им удалось разбить целую когорту Третьего Августова.

– Как им это удалось? – спросил Веспасиан, с трудом продвигаясь вперед по склону, показавшемуся ему очень крутым.

– Мятежники подкараулили легионеров, возвращавшихся из карательного рейда, на открытой равнине. Когорта построилась для ближнего боя, но нумидийцы и не думали давать его. Их конница просто кружилась вокруг наших, осыпая их дротиками, а пехота с безопасного расстояния пустила в ход пращи и луки. Всякий раз, когда когорта пыталась атаковать, бунтовщики подавались назад и продолжали стрелять. Получились уменьшенные Карры. Большинство солдат погибло в ходе четырехчасового боя. Тем, кому не посчастливилось попасть в плен, выкололи глаза, оскопили и оставили голыми печься под солнцем пустыни. Когда наместник Луций Апроний узнал об унижении, то пришел в такую ярость, что приказал подвергнуть весь легион децимации, хоть остальные когорты и не участвовали в схватке.

– Сдается, это не слишком честно, – заметил Веспасиан, которому сандалии стали натирать пятки.

– А кто сказал, что война – честное дело? Третий Августов получил глубокую рану. Потеря целой когорты, четырехсот восьмидесяти человек, от рук мятежников, легла пятном на весь легион. Единственное, чем можно его смыть, это кровью. Поэтому Луций Апроний приказал солдатам построиться, без оружия, в одних туниках. Потом легионеров пересчитали. Каждому девятому вручили меч и дали приказ обезглавить десятого – товарища, стоящего слева. Это мог быть его лучший друг, человек, которого он знал много лет, с которым делил палатку, пищу, опасности, женщин. А возможно, некто совершенно незнакомый, юнец, только что поступивший в армию. Все это не имеет значения – если ты откажешься, тебя тоже казнят.

Замолчав, Сабин порылся в притороченной к седлу сумке и извлек широкополую соломенную шляпу фессалийского фасона, которые ввел в моду Август за время своего правления. После чего, не обращая внимания на усиливающиеся страдания брата, нахлобучил шляпу себе на голову.

– Мне об этом рассказал один из трибунов Третьего вскоре после нашего прибытия. По его словам, это было самое ужасное, что доводилось ему переживать в жизни: весь легион, перепачканный в крови товарищей, застыл в строю перед кучей из четырехсот с лишним отрубленных голов и умолял наместника о прощении. Так или иначе, после этого случая легионеры прониклись лютой ненавистью к Такфарину и его мятежникам, в которых видели истинную причину пережитых страданий, и с диким рвением кинулись искоренять их. В итоге, через несколько месяцев после того как мы, сделав свою работу, уплыли, они поймали остатки повстанческой армии в ловушку в крепости Авзера. После трехмесячной осады та пала, и Третий Августов не оставил в живых никого, даже тех, за кого можно было выручить хорошие деньги на невольничьем рынке. Такфарин, к несчастью, бросился на меч прежде, чем наши добрались до него, зато они захватили его жен и детей, и как догадываюсь, те ответили за грехи мерзавца.

Братья достигли вершины холма. Сабин натянул поводья и передал мех Веспасиану, с жадностью припавшему к воде.

– Выходит, Луций Апроний поступил правильно? – сказал он, утирая сбегаящие по подбородку излишки влаги.

– Совершенно верно, – отозвался Сабин. – Легион не может сражаться и побеждать, если каждый его солдат не уверен в своем товарище. Предавая казни своих, они доказали то, что способны убить любого, и тем самым восстановили веру в свои силы.

Веспасиан посмотрел на брата и вспомнил слова отца о принципе, объединяющем легион. Если в один прекрасный день ему предстоит встать в строй, он хотел бы, чтобы справа и слева находились соратники, подобные Сабину.

Молодые люди постояли немного, глядя с высоты на свое поместье. Вдалеке, на северо-востоке, вздымался пик горы Тетрика, ожидающей зимних снегов, которые должны были укрыть вершину не далее как через месяц. Внизу, к югу, струил свои воды Авенс, один из притоков которого образовывал овраг, где накануне они заманили в ловушку беглых рабов. Под прямым углом к реке шла Саларийская дорога, убегающая по долине на восток, в направлении Адриатического моря. В месте, где дорога пересекала реку, находился внушительный каменный мост, к которому с востока приближался многочисленный отряд всадников.

– Эти парни, похоже, торопятся, – заметил Веспасиан, прищуривший глаза от яркого солнца.

– Что можно сказать и о тебе. Вперед!

Сабин тронул коня и направился вниз по склону, продолжая задавать ритм свистками. Веспасиан устало потопал за ним, одновременно не спуская глаз с верховых на дороге внизу. Он насчитал человек двадцать. Они, похоже, были вооружены, и что уж совершенно точно, ехали очень быстро. Приблизившись к мосту, всадники придержали лошадей и пересекли реку рысью. Едва оказавшись на другой стороне, передовой свернул с дороги вправо и поскакал вдоль берега. Остальные последовали его примеру.

– Как думаешь, куда они направляются? – спросил юноша.

– Кто? – Мысли Сабина явно витали где-то далеко.

– Всадники. Они свернули с дороги и едут вдоль реки. Приближаются к нам.

Сабин посмотрел в ту сторону. Хотя до верховых оставалось миль пять или шесть, стало ясно, что они вооружены – солнце поблескивало на остриях копий и шлемах.

– Это не военные кавалеристы, уверен. Одеты не так и едут толпой. – Сабин задумчиво посмотрел на брата. – Раз это не военные, но вооружены, причем стремительно скажут в нашем направлении, то мы вполне можем допустить худшее. Так, маленький братишка?

– Беглые рабы?

– Замышляющие небольшую месть за вчерашнее. Лучше нам поторопиться – бросай свой ранец и забирайся позади меня.

С недобрим предчувствием, все сильнее пускающим в душе корни, Веспасиан повиновался приказу. Сабин развернул коня, погнал его, со всей возможной при учете двойной ноши скоростью, в обратном направлении того семимильного отрезка пути, который они проделали. Веспасиан держался изо всех сил – быстрая скачка по неровной дороге заставляла его подпрыгивать, и каждый толчок отзывался в сломанном носу под повязкой, заставляя юношу морщиться от боли.

– Если удержим эту скорость, то поспеем к поместью на полчаса раньше их, – бросил Сабин через плечо. – Этого как раз хватит, чтобы призвать людей к оружию и расставить по местам. Тем же, кто работает в полях, остается только надеяться на Фортуна и заботиться о себе самим.

– Что ты собираешься делать? – спросил Веспасиан в надежде, что у брата уже готов хитрый план.

– Пока не знаю. Думаю, – последовал не слишком утешительный ответ.

Пока они скакали, Веспасиан представлял себе ярость разбойников, обнаруживших прибитого к кресту парня и гниющие на солнце тела товарищей. Он удивлялся, почему никому из поместья не пришла на ум мысль о возможном возмездии со стороны беглых, и решил, что

они недооценили врага. Флавии сочли, что имеют дело с немногочисленной, плохо вооруженной и неорганизованной шайкой воров, способных только красть мулов да грабить проезжих на большой дороге. Однако те отважились атаковать виллу. Веспасиан понял, что бой будет кровавым – разбойники сами не ждут пощады и давать ее не собираются.

Распугав цыплят и детвору, играющую во дворе, братья влетели в ворота. Пока они спешили, из своей конторы выбежал Паллон.

– Паллон, скорее! – вскричал Сабин. – Вооружай всех свободных и рабов, которым доверяешь! Женщин и детей запереть внутри дома. Потом созови всех наших с ближайших полей, и как можно быстрее! Судя по всему, через полчаса у нас будут гости: два десятка беглых рабов, жаждущих мести. Они намерены застать нас врасплох, так что позволим им тешить себя такой мыслью. Ворота оставим открытыми, спрятав за ними пару человек. Если на подходах наших не окажется, разбойники влетят напрямик во двор. Тогда парни у ворот должны закрыть створки и запереть их снаружи. Негодяи окажутся у нас в руках. Всех наших, вооруженных дротиками и луками, мы расставим на крышах и в окнах над конюшнями. Гиерон, наполни водой побольше ведер и подними на крышу – ублюдки могут забросать факелами здания. Веспасиан, беги, расскажи родителям, что происходит.

Вскоре Веспасиан вернулся на двор вместе с отцом. Веспасия и рабыни забаррикадировались в главном доме. С ними остался и Варон, которому Тит велел помочь Веспасии покончить с жизнью на случай, если защитников поместья сомнут. То, что мать согласилась с этим планом, заставило Веспасиана осознать всю серьезность ситуации.

Во дворе кипела бурная деятельность. С внешней стороны ворот поместили фургон, которым можно будет подпереть створки. Раздавались мечи, кинжалы, связки дротиков и стрел, а также ведра с водой, которые предстояло поднять на крышу. Доступ на крыши осуществлялся посредством лестниц, которые предстояло убрать, как только задача будет выполнена. Группы скованных рабов заперли в амбарах, чтобы помешать им помочь нападающим, к которым они охотно присоединились бы, дай только шанс.

Веспасиан помог Титу взобраться на крышу главного дома и сам поднялся за ним.

– Соскучился я по драке, – хмыкнул отец, обращаясь к сыну. – Уж и не знаю, сколько времени не метал я по-настоящему дротик, а то, что цель достойная, только удваивает удовольствие!

Юноша обвел взглядом крыши, насчитав пятнадцать человек, и разглядел еще троих в окнах комнат рабов над конюшнями. Симеон и Людовик спрятались за воротами, готовые захлопнуть ловушку, Лик и Паллон разместились над ними. Басей с Атафаном выезжали на конях из ворот, беззаботно поигрывая луками.

– Куда они едут? – спросил Веспасиан у Сабина, располагавшегося чуть дальше по крыше главного дома. В руке старший брат держал веревку, уходившую вниз и далее через двор в окно напротив, где мелькало лицо Гиерона.

– Нужно, чтобы кто-то находился снаружи, иначе будет подозрительно тихо. Как только их заметят, Басей и Атафан вернуться, и будем надеяться, увлекут за собой разбойников.

Потом Сабин возвысил голос, чтобы его слышали все во дворе.

– Помните: не показывайтесь, пока беглые не въедут в ворота. Чтoб над крышей не торчало ни одной головы, способной вызвать подозрения. Пусть атакуют в блаженном неведении о том, что их тут ждут. Каждый раб, который проявит себя молодцом, получит свободу!

Со двора радостно завопили.

– Паллон, ты несешь дозор, – продолжил легионер. – Всем остальным спрятаться и сидеть тихо. Не стрелять, пока по меньшей мере десять из них не окажутся во дворе – к тому времени им поздно станет уже разворачиваться. Да будут Фортуна и Марс благосклонны к нам!

Жарясь под испепеляющим полуденным солнцем, защитники стали ждать. Время мучительно тянулось, а зловещая тишина, повисшая над двором, словно замедляла его еще силь-

нее. Веспасиан раздумывал: а вдруг это их с Сабиним воспаленное воображение сыграло злую шутку, став причиной такого переполоха? Ему стало плохо при мысли об унижении, которое придется им пережить из-за ложной тревоги. Он почувствовал почти облегчение, когда услышал первые крики и вопли, донесшиеся с полей. Разбойники явно наткнулись на группу рабочих, которые были слишком далеко, чтобы получить предупреждение, и теперь разогревались перед боем, устроив резню. Люди во дворе напряглись, внимая крикам товарищей. Понимая, что шанс отомстить скоро представится, они проверяли оружие и разминали мышцы. Вопли прекратились. Снова в поместье воцарилась тишина. Затем издалека донесся приглушенный топот копыт. По мере того как он нарастал, можно было судить, что беглые скачут к вилле и с минуты на минуту достигнут ее.

– Я их вижу! – раздался крик Паллона. – Они примерно в полумиле. У них горящие факелы!

– Отлично. Готовьтесь, парни, но не высовывайтесь! – проревел Сабин.

– Разбойники заметили Басея и Атафана! Они уже близко.

Стук копыт становился громче, уже слышались крики всадников. Веспасиану подумалось, что если беглые рабы рассчитывают застать обитателей виллы врасплох, то избрали для этого странный способ. Эта мысль испарилась, когда в ворота влетели Басей и Атафан – один принял влево, другой вправо, каждый направляясь к одной из лестниц, оставленных для них. Соскочив с коней и проворно забравшись на крышу, они втащили за собой лестницы в тот самый миг, когда ближайшие из преследователей влетели во двор, потрясая горящими факелами. По пятам за жокаками следовала основная масса беглых. Миновав протянутую через двор веревку, передовые с силой метнули факелы в открытые окна.

– Давай! – взревел Сабин.

Град метательных снарядов обрушился на нападающих, поражая как седоков, так и лошадей. Четверо разбойников рухнули в первую секунду. Взятый грабителями разгон был так велик, что остальные уже не могли остановиться и влетели через ворота во двор, топча павших товарищей. Когда все негодяи оказались внутри, Симеон и Людовик выпрыгнули из укрытий и закрыли створки. Возмущенный этим нападением на собственный дом, Веспасиан во второй раз ощутил вздымающуюся в нем волну жажды крови. На этот раз он будет убивать.

По мере того как дротики и стрелы находили цель, среди стен заметалось эхо предсмертных криков. Юноша нацелил дротик в ближайшего всадника, пожилого мужчину с густой бородой, рябым лицом и темными волосами, собранными в пучок на манер, принятый у германцев. Острие вонзилось разбойнику в середину туловища, пронзив грудину, и засело в позвончике, перебив спинной мозг. Паралич наступил мгновенно, ноги старика обвисли. Он соскользнул с коня, упал наземь и замер неподвижно, ощущая, как кровь булькает в горле, и с ужасом понимая, что это последние его вздохи.

Сабин изо всех сил потянул за свой конец веревки. Та оторвалась от грунта. Две лошади врезались в нее шеей и встали на дыбы, сбросив всадников, оказавшихся под копытами напирающих товарищей, кони которых в свою очередь напоролась на веревку. Удар вырвал канат из рук Сабина и сбросил его с крыши. Легионер умудрился приземлиться на четвереньки и мигом вскочил, выхватив меч. Двое из свалившихся с седел налетчиков, вооруженных копьями и зловещего вида кривыми кинжалами, бросились на него. Они находились слишком близко к Сабину, чтобы стрелять. Веспасиан и Тит, у которых осталось по одному дротику, побежали по крыше, стараясь найти удобный угол для броска.

Первый из нападающих, держа копьё над головой, нацелил удар в лицо Сабину. Нырнув влево, молодой человек рубанул мечом поперек туловища грабителя. Живот лопнул, как перезревшая фиго, внутренности полезли наружу. Разбойник завыл, уронил копьё и обеими руками стал пытаться остановить поток кишок, хлынувший из зияющей дыры.

Второй противник – коренастый, мускулистый ибериец – сразу смекнул, что имеет дело с опытным бойцом, поэтому приближался с опаской. Тем временем двое из бандитов, оставшиеся еще в седлах, устремились к Сабину с дротиками. Заметив краем глаза их движение, молодой легионер сумел пригнуться, пропустив брошенное первым оружие над собой, зато второе, нацеленное гораздо ниже, вонзилось ему прямо в правую икру. Ибериец ухватился за шанс и скакнул вперед, намереваясь вонзить копье в незащищенную грудь римлянина, но внезапно замер, с удивлением разглядывая последний дротик Тита, торчащий из своих ребер.

Двое кавалеристов, выхватив мечи и дико взыв, ринулись на подстреленного Сабина. Не раздумывая, Веспасиан спрыгнул с крыши, поднял выпавшее из рук выпотрошенного разбойника копье и встал, испуганный, но решительный, рядом с братом. Один из всадников, заметив новую мишень, кинулся на юношу. Свесившись с седла вправо, он нацелил острие меча в грудь Веспасиану и не спускал с врага безумно расширенных глаз. Хлынувший по жилам адреналин словно замедлил для молодого человека бег времени, пытавшегося угадать миг столкновения. Стук сердца гулко отдавался в ушах, и вопреки ужасу Веспасиан почувствовал, что им овладевает спокойствие. Он уже убивал, и убьет снова. В последнюю секунду юноша отпрыгнул вправо и упер древко копья в землю под углом в сорок пять градусов.

Полутонная туша лошади с маху напоролась на копье. Острие достигло сердца, взорвавшегося фонтаном темно-красной крови, забрызгавшей обоих братьев. Животное уронило голову, всадник полетел вперед кувырком, врезавшись в Веспасиана. Второй грабитель, пролетая мимо Сабина, рубанул того мечом. Тот, со все еще торчащим из ноги дротиком, не успел вовремя отпрянуть. Ухватившись за правое плечо, молодой человек упал.

Веспасиан быстро пришел в себя. Сбросив тело рухнувшего всадника, он вытащил меч, приподнял голову распростертого врага за волосы и чиркнул по горлу. Затем, перепрыгнув через брата, приготовился к бою, когда второй разбойник развернул коня в намерении атаковать его. Негодяй не успел проскакать и пяти шагов, как две стрелы одновременно вонзились ему в спину. Он со стоном вывалился из седла и покатился по двору, обломав древки стрел и остановившись у самых ног Веспасиана. Стекленеющие глаза убитого невидящим взором устремились к солнцу.

Поднялся радостный крик. Оглядевшись вокруг, Веспасиан понял, что единственный во дворе остался стоять. Все налетчики были либо мертвы, либо корчились в пыли в агонии. Уцелевшие лошади покорно ждали, сбившись в небольшие группы. Юноша опустил глаза на Сабина, который зажимал рану в плече. Из-под пальцев сочилась кровь.

– Хороший бой, маленький братишка, – выдавил Сабин сквозь стиснутые зубы. – Похоже, мне следует поблагодарить тебя за свою жизнь, хотя я не дождался от тебя спасибо, когда спас вчера твою шкуру.

Веспасиан протянул руку.

– Что ж, думаю, мы можем взаимно поблагодарить друг друга сейчас, – сказал он, помогая брату встать.

– Самой лучшей благодарностью будет вытащить эту треклятую штуковину из моей ноги.

Веспасиан опустился на колени и осмотрел рану. Вокруг радостно вопящие люди спускались с крыш, торопясь загасить еще пылающие факелы и перерезать глотки еще живым беглым.

– Отлично, ребята! Представление получилось на славу! – провозгласил Тит, сбегая по лестнице. – Сабин, надеюсь, рана не слишком серьезна?

– Со мной все будет хорошо, отец – пара швов от Хлои и...

Тут он издал дикий рев. Воспользовавшись тем, что брат отвлекся, Веспасиан выдернул дротик. Сабин побледнел и едва не лишился чувств.

– Боги, как больно! Ах ты, маленькая дрянь! Бьюсь об заклад, тебе это доставило удовольствие. Пойдем, отведи меня в дом.

Братья поплелись к дверям, которые их мать, услышав радостные крики, уже отперла. Веспасия помогла раненому сыну войти в дом.

– Кстати, ответ – шерсть, – пробормотал Сабин.

– Что-что? – переспросил Веспасиан, решив, что брат бредит.

– То, что нам надо продавать сейчас, это шерсть. На нее есть спрос, потому что скоро зима.

– А, да. Ты совершенно прав, – ответил юноша. – Отличная работа.

– Работа тут ни при чем – просто я поболтал с Паллоном вчера, по пути домой. – Сабин ухмыльнулся. – Ну и видок же у тебя с этой повязкой!

Веспасиан с полуулыбкой поглядел на брата и покачал головой, подумав, что едва ли тот когда-нибудь переменится. После чего оставил его заботам женской половины дома.

Юноша обернулся и окинул взором двор. Пожары были уже потушены, только тонкие струйки дыма напоминали об их существовании. Скovaných сельскохозяйственных рабов вывели из амбаров и снова отправляли на работу. Паллон организовывал сбор убитых разбойников, чтобы сжечь их на большом костре за воротами. Веспасиан понаблюдал, как его дротик извлекли из германца с пучком на голове, после чего тело поволокли прочь, оставляя на земле кровавый след. Это был первый убитый им человек, но мысль не потрясла юношу. Не моргнув глазом, он перерезал горло второй своей жертве – делал то, что должно, ради спасения своей собственной жизни и жизни брата. Кроме того, речь шла об убийстве всего лишь рабов, а их шкура стоит не дороже денег, заплаченных на торгах.

Паллон заметил, как молодой хозяин наблюдает за уборкой трупов, и подошел ближе.

– Ты славно проявил себя сегодня, Тит Флавий Веспасиан, – официально заявил он, блюдя субординацию. – Твой отец вправе гордиться.

– Спасибо, Паллон. Мы все внесли свой вклад – мой брат придумал отличный план. Какие у нас потери?

– Один убит и четверо ранено, но все не слишком тяжело.

– Кто погиб?

– Бренн, домашний раб-галл. Ему дротик угодил в глаз. Его сын Дрест в числе раненых, – ответил управляющий.

– Надо освободить сына, это послужит для других рабов хорошим примером, если подобное произойдет вновь. Я поговорю с отцом.

Веспасиан уже повернулся, но тут ему пришла в голову одна мысль.

– Паллон, ты знаешь что-нибудь о пророчестве, связанном со мной? – спросил он, понизив голос. – О каком-то событии, случившемся при моем рождении. Ты ведь был тогда там?

Веспасиан посмотрел Паллону в глаза, но тот отвел взгляд.

– Почему ты не отвечаешь? – настаивал юноша.

– Мне запрещено об этом говорить, – неуютно переминаясь, ответил управляющий.

– Кем? Скажи, Паллон, кто запрещает тебе?

– Боги, – ответил управляющий, снова пряча взгляд.

– Какие боги? Почему? – Волнуясь все сильнее, юноша схватил Паллона за плечи.

– Все. Твоя мать заставила всех домочадцев дать перед лицом всех богов клятву никогда не говорить об этом.

Глава 4

Полученные Сабином раны означали, что обучение Веспасиана придется на несколько дней ограничить. О марш-бросках не могло быть и речи, оставались гимнастика, рытье укреплений и упражнения с оружием. Веспасиан проводил часы, насаживая с деревянным мечом и плетеным щитом на шестифутовый столб, отрабатывая рубящие удары, выпады и защиту. Меч и щит были сделаны так, чтобы весить больше настоящих прототипов. По словам Сабина, это позволяло укрепить руки, которым тем проще будет управляться с положенным по уставу оружием. Когда столбу давали передохнуть, Веспасиан переключался на метание дротиков. Спустя несколько дней после начала тренировок юноша стал переносить их легче, и хотя не испытывал удовольствия, больше не тяготился ими.

В свою очередь, Веспасиан начал учить Сабина ремеслу управления поместьем. Как только они приступили, юноша обнаружил, что знаком с предметом куда лучше, чем сам подзрел. В своем рвении он просто оглушил страдающего от ран брата лавиной фактов и цифр. Поначалу Сабин был способен только сидеть, не в силах уклониться от потока, но по мере поправки стал делать пешие или конные прогулки по имению. В этой более разряженной обстановке молодой легионер воочию смог убедиться во всей сложности проблем, стоящих перед управляющим, стремящимся наиболее эффективно использовать свою землю и рабочую силу каждый день в течение года. Сабин начал понимать, что имение представляет собой микрокосм армии, а то и всего Рима, и полное понимание принципов его работы серьезно повышает шансы на успех в общественной жизни. Веспасиан он стал рассматривать как человека, к которому вполне стоит прислушаться. Юноша, со своей стороны, понял, что делясь своими знаниями со старшим братом, получил возможность привести в порядок собственные мысли и обрести уверенность в имеющихся навыках.

Такая взаимопольность, дополненная фактом, что оба оказались обязаны друг другу жизнью, способствовала стремительной оттепели в их отношениях. Последующие недели удивили не только братьев, но и их родителей – обед в предвечерний час перестал быть ареной постоянных столкновений. Вместо этого во время еды молодые люди закрепляли полученные за день знания или хвастались достигнутыми успехами.

В этой приятной атмосфере незаметно пролетел ноябрь. На окрестные вершины легли снега, а деятельность в поместье замирала перед зимой. Начинался период подготовки и починки. Ремонтировали стены, ковали новые инструменты, строили новый амбар, выполняли множество других работ, которые откладывали все лето.

Сабин воспользовался расцветом производства, чтобы смастерить легкую баллисту, и принялся учить младшего брата основам стрельбы из нее. Установив на фоне большого куска кожи бычью голову, молодой легионер изложил ученику основные понятия о траектории с учетом поправок на скорость и ветер. Через неделю Веспасиан всаживал в бычью голову стрелу между глаз с такой же легкостью, с какой Сабин мог составить разрядку работ для пятидесяти рабов и их надсмотрщиков или свести дебет с кредитом.

Праздник доброй воли, Сатурналии, пришел и ушел в привычной круговерти пиров и подарков. Три дня спустя после их завершения, двадцать пятого декабря, Сабин как раз заканчивал отмечать чудесное рождение в пещере, свидетелями коего являлись пастухи. Речь шла о Митре, новом божестве с Востока, мистерии культа которого широко распространились в армии, когда отец вызвал сыновей к себе в кабинет.

– Что ж, мальчики, январь уже на пороге, – заявил он, не пригласив их даже сесть. – Вы выполнили свою часть сделки, поэтому я выполняю свою. Я договорился, четыре года назад в отношении тебя, Сабин, о нашей остановке на время у моего шурина Гая Веспасия Поллона.

Там мы сможем возвращаться в высших кругах Рима, включая даже сам императорский двор. Гай ныне числит среди своих патронов Антонию, свояченицу нашего прославленного повелителя.

Тит немного помолчал, потом продолжил.

– Как вам известно, детей у Гая нет, поэтому ему очень важно, чтобы вы, отпрыски его сестры, достигли успеха. Он представит вас богатым и влиятельным людям, напишет рекомендательные письма. Это человек уважаемый и почтенный. Как знать, может, Гай даже решит усыновить одного из вас.

Он строго посмотрел на сыновей.

– Меня весьма впечатлили успехи, выказанные вами обоими, а еще более – способность отбросить прочь мелкие разногласия и работать сообща. Это одно из важнейших качеств настоящего римского аристократа. Вы окажетесь среди людей безжалостных и ненасытных, радеющих лишь о себе и благе своего рода. Вас изберут на должность магистрата или назначат командиром в легионе, где ваши коллеги без видимой причины будут рассматривать вас как врага и помеху на своем пути. И все же, ради блага Рима, вам следует научиться находить с ними общий язык. Не спускайте с них глаз, не доверяйте, но сотрудничайте. Это сыграет на руку как Риму, так и вам самим.

– Да, отец, – в унисон отозвались оба брата.

Тит встал и увлек сыновей из кабинета в атрий, провел мимо бассейна с дождевой водой, посреди которого бил фонтан, и подошел к алькову у домашнего алтаря, где на стене висели посмертные маски родовых предков. Он остановился перед торжественным рядом этих отображающих не то жизнь, не то смерть восковых образов.

– Каждый из этих мужей знал победы и поражения, и каждый прилагал все силы, чтобы послужить своей семье и клану Сабинов. А с тех пор, как им удалось получить гражданство, еще и Риму. Вам, дети мои, предстоит продолжить их дело и возвести Флавиев из здешней глуши в Сабинских холмах к величию в величайшем городе мира. Я готов на все, что в моих силах, чтобы помочь вам: вложить деньги, использовать связи. Но я не вечен. Когда меня не станет, вам предстоит поддерживать друг друга. Ради этого я и привел вас пред лики наших предков. Здесь вы поклянетесь быть преданными друг другу, всегда оберегать друг друга, а самое главное, поддерживать во всех начинаниях.

– Но отец, клятва излишня, поскольку мы связаны узами крови. Они обязывают делать нас то, чего требует обет, – возразил Сабин.

– Я понимаю, но эта клятва прозвучит не только перед лицом предков, но и пред богами, включая твоего Митру. И тем самым станет самой священной из тех, что вы принимали или примете на себя. Если придет время, когда один из вас не сможет оказать другому помощь из-за данной ранее клятвы, нынешняя сделает ее ничтожной. Понимаешь, Сабин.

Сабин несколько секунд смотрел в глаза отцу, потом кивнул и поглядел на Веспасиана, хранившего молчание. Юноша пришел к убеждению, что брату известно о пророчестве, и сейчас отец предоставляет ему возможность нарушить клятву, данную некогда матери. Тит намекал, что в какой-то миг в будущем, который Сабин сочтет правильным, он должен будет поведать обо всем Веспасиану, и при этом не навлечет на себя гнев богов.

Отец посмотрел на младшего сына.

– В последний раз я обращаюсь к тебе как к мальчику. – Он снял висящую на кожаном ремешке буллу с шеи Веспасиана. – Отныне я провозглашаю, что ты, мой сын Тит Флавий Веспасиан, стал взрослым. Исполняй долг мужчины с честью и достоинством, ступай в мир и покрой великой славой себя и весь род Флавиев.

Веспасиан склонил голову в знак того, что принимает волю отца. Потом Тит повернулся к ларарию, где хранились изображения ларес доместици, домашних богов. Он возложил буллу на алтарь и расставил вокруг нее пять глиняных статуэток, извлеченных из шкафчика. Римлянин накрыл голову тогой, вознес краткую молитву, затем плеснул в мелкую чашу вина из

алтарного кувшина. Взяв сосуд в правую руку, Тит пролил несколько капель на алтарь перед самой большой из фигур, олицетворявшей собой лар фамилиарис, то есть основателя рода. Затем он предложил сыновьям встать рядом с ним, по бокам от алтаря, дал им отпить по глотку вина, потом осушил чашу и отставил ее в сторону.

Трое мужчин стояли в гаснущем свете дня напротив алтаря. Тит, взывая к богам и духам предков, привел сыновей к клятве. Слова, навсегда связывающие братьев друг с другом, гулко звучали среди колонн атрия и восковых масок, этих незрячих очевидцев, ставших свидетелями торжественного ритуала.

Завершив церемонию, отец снял полу тоги с головы и по очереди обнял каждого из сыновей, пожелав им благорасположения Фортуны и поместив в их руки честь всего рода.

– Никогда не забывайте, откуда вы и к какой семье принадлежите. Всякий раз возвращайтесь домой со все большим дигнитас, чтобы наш родной очаг возвышался вместе со славой его отпрысков.

Они постояли молча, каждый возносил к богам свою собственную, личную молитву. В комнате стало почти совсем темно. Рабы, в чьи обязанности входило зажигать лампы, ожидали на почтительном расстоянии в углу атрия, не осмеливаясь мешать главе семейства, молящегося вместе с наследниками. Единственным звуком оставался плеск фонтана.

Вскоре Тит хлопнул в ладоши, нарушив тишину.

– Варон, ты где? Принеси вина. Почему так темно? Что происходит в доме, заснули все что ли?

Варон влетел в комнату, успев на бегу от души пнуть под зад зажигающего лампы, побуждая того к действию.

– Прости, господин, мы ждали, пока... – тут управляющий домом замялся.

– Да-да, знаю. И были правы. Но теперь – вина и света!

Через несколько минут комната уже ярко освещалась огнем многочисленных масляных ламп, а в очаге потрескивали поленья. Пришедшая Веспасия застала своих мужчин сидящими с кубком вина.

– А, дорогая, ты как раз вовремя, – приветствовал жену Тит, вставая. – Я собираюсь предложить тост, возьми чашу.

Он подал ей сосуд, уже наполненный лучшим кекубанским вином, слегка разбавленным водой. Взяв свой кубок, римлянин воздел его над головой с таким энтузиазмом, что расплескал немного.

– Завтра мы едем в Рим, в дом твоего брата. Перед отъездом нам надо принести жертву богам, чтобы те способствовали нашему предприятию и помогли благополучно вернуться назад. За Рим и род Флавиев!

– За Рим и род Флавиев! – эхом подхватили домочадцы и осушили кубки.

Часть II

Рим

Глава 5

Темное облако на горизонте росло. Было утро третьего дня путешествия, и по мере того как Флавии приближались к величайшему на земле городу, Веспасиан все сильнее ощущал богатство столицы, проливающееся и на ее округу. Свидетельства того бросались в глаза повсеместно. Поместья и поля уступили место обширным, ориентированным на рынок огородам, в которых тысячи рабов корпели над грядками с латуком, пореем, луком и благоуханными травами. Привратники провожали путников подозрительными взглядами, словно видя в каждом потенциального вора. За позолоченными воротами открывался роскошный вид на величественные виллы, расположенные на склонах холмов. Сама дорога оказалась куда оживленнее, чем представлял Веспасиан. Поток всех возможных видов транспорта двигался по Саларийской дороге, а перевернувшиеся повозки со сломанными осями, рассыпанный груз и понуро тянущиеся колонны скованных невольников означали, что продвигаться по обочине выходило и быстрее, и безопаснее для ног животных.

Их группа состояла из Веспасиана с братом и отца, все на верховых лошадях, следом в запряженной мулами крытой четырехколесной повозке – реде – ехала Веспасия. От духоты, царящей в этом неуклюжем экипаже, громыхающем по дороге с гор, сидящую на мягких подушках госпожу спасали две рабыни с опахалами. За редой катилась тележка с багажом, которую толкали два домашних раба. Еще три невольника, личные слуги мужчин, ехали на мулах, замыкая шествие. В качестве охранников Тит нанял трех бывших легионеров, чего оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить безопасное путешествие.

Продвижение по Саларийской дороге было неспешным, по большей части из-за тихого хода реды. В этом имелись свои преимущества, поскольку им пришлось провести в дороге две ночи вместо одной, останавливаясь у семей, с которыми Флавиев связывали узы гостеприимства. За обедом хозяева и гости к взаимной выгоде обменивались обещаниями помощи. Тит предлагал услуги своего шурина Гая, бывшего претора, могущего пособить в придворных или гражданских тяжбах, в обмен на рекомендательное письмо к магистратам или членам императорского двора. Тит с радостью пускал имя Гая в ход, получив заверения жены, что любая – в пределах разумного – их просьба будет исполнена в обмен, естественно, на услуги со стороны Тита в будущем. Веспасиан с интересом наблюдал, как главы двух семей договариваются поддерживать друг друга завтра, прекрасно понимая, что послезавтра могут стать непримиримыми соперниками.

По мере приближения маленького каравана к цели Веспасиан все чаще размышлял, как же ему вести себя в этом в высшей степени нацеленном на состязание обществе, где единственной твердой опорой оставались верность Риму, своему роду, а также личная честь и достоинство? Пока лошадь медленно шла по уходящей к вершине холма дороге, юноша вглядывался в мрачные тучи на горизонте и думал, сумеет ли он влиться в эту бурную жизнь, или хотя бы приспособиться к ней. Дорога бежала вперед, несмотря на кручу, и не успел молодой человек прийти к определенному решению, как оказался на вершине.

Он ахнул и остановился. Забыв обо всем, Веспасиан отказывался верить собственным глазам, потому как наблюдал самое величественное в жизни зрелище. Милях в пяти от него, увенчанный пеленой смога от полумиллиона очагов, кузнечных и керамических печей и дубилен, располагался на своих обнесенных высокими кирпичными стенами с могучими башнями семи холмах центр самой могущественной на свете империи – Рим.

– Помню, как на этом самом месте я стоял и дивился сорок лет назад, когда мать везла меня в столицу в твоём возрасте, – сказал Тит, натянувший поводья рядом с сыном. – Когда человек видит Рим в первый раз и ощущает все его величие и собственное ничтожество, он

понимает, что есть только один выбор: служить этому городу или быть раздавленным им, потому как третьего не дано.

Веспасиан посмотрел на отца.

– В моем случае о выборе речь не идет, – негромко ответил он.

Тит улыбнулся и, поглаживая коня по холке, озирает раскинувшийся перед ними мегаполис.

– Если это зрелище так впечатляет нас, то представь, что чувствует перед лицом такой мощи обросший шерстью варвар из германских или галльских лесов. Стоит ли удивляться, что их вожди переступили себя и стремятся стать гражданами Рима? Как наши италийские союзники, сто лет назад развязавшие войну за право получить римское гражданство. Они тоже хотели служить, а не быть раздавленными. Рим имеет свойство засасывать человека, так что просто берегись, сынок, как бы он не выплюнул тебя.

– Только попробовав этого недоростка на вкус, господин Рим явно предпочтет сплюнуть, а не глотать! – Поравнявшийся с родными Сабин расхохотался собственной остроте.

– Очень смешно! – огрызнулся Веспасиан.

Как ни ценил он грубоватую шутку, овладевшее им чувство неуверенности не располагало к подобному легкомыслию. Двинув в бока коня пятками, юноша поехал вниз по холму. Сзади до него доносился голос Тита, распекающего старшего сына за неуместную реплику.

Вглядываясь в столицу империи, застывшую на равнине и купающуюся в утреннем солнце, в то время как жизненные соки вливались в нее по жилам дорог и акведуков, Веспасиан восхищался ее величием и силой. Юноша воспрянул духом. Быть может, отныне его не будет удовлетворять узкий мирок, очерченный горами вокруг сельской виллы. Быть может, отныне он не станет довольствоваться ежедневной рутинной хлопот по поместью и разведением мулов, когда единственным отличием одного периода от другого служит только смена времен года. Ему предстоит вступить в огромный и опасный мир, где нужно выжить и преуспеть. Охваченный растущим возбуждением, он летел вниз по холму, не слыша призывов отца придержать коня. Молодой человек прокладывал себе дорогу среди других путников, думая только о том, чтобы поскорее достичь цели.

Через пару миль движение замедлилось по причине того, что расположенные по обе стороны гробницы, большие и маленькие, стали наступать на дорогу, сужая ее. Веспасиан остановился и, читая высеченные на стенах имена, ощутил прикосновение руки истории. Здесь прославленные имена соседствовали с теми, о которых ему никогда не приходилось слышать. Одни склепы казались древними, другие – недавно возведенными, но у всех имелось нечто общее – покоящиеся в них останки принадлежали мужчинам и женщинам, посвятившим свою жизнь тому, чтобы Рим из кучки глинобитных хижин, примостившихся почти восемь веков назад на Капитолийском холме, разросся до одетого в кирпич и мрамор мегаполиса, пред стенами которого сейчас стоял юноша. Все радости и горести этих римлян, чьи души удалились в страну теней, все их успехи и неудачи слились в единое целое славы города. Всем им было отведено свое время, и Веспасиан надеялся, что они с пользой потратили его, потому как обратного пути из темной обители за Стиксом не существует. Он поклялся себе, что прежде чем сам переправится через эту реку, сделает все от него зависящее, чтобы город, в который ему предстоит вступить, стал благодаря его скромным усилиям еще чуточку величественнее.

Очнувшись от раздумий, юноша заметил, что далеко опередил своих, и решил подождать здесь, среди гробниц. Он слез с коня, привязал его к небольшому деревцу, сел, завернувшись в плащ, и стал лениво наблюдать за проезжающими. Через некоторое время рядом с ним с дороги съехал фургон, извергнувший из своих недр целое семейство в сопровождении домашних рабов. Последние проворно поставили перед небольшим, недавно построенным склепом стол и стулья. Глава семейства совершил возлияние и произнес молитву, после чего домочадцы уселись за пикник, предлагая обитателю гробницы разделить с ними праздник, поставив для

него еду и питье. Веспасиан наблюдал за курьезной трапезой умершего родича и семьи, которая относилась к покойнику как к живому, не обращая ни малейшего внимания на оживленную дорогу, шумящую в нескольких футах от них. Похоже, даже смерть не в силах умалить почет, оказываемый гражданину, вся судьба которого была посвящена служению своему роду и Риму.

Спектакль подошел к концу, когда Веспасиан услышал голос брата.

– Ты о чем думал, маленькое дерьмо, рассевшись тут на обочине как ни в чем не бывало? – проревел тот. – Решил потягаться с местными головорезами и поселиться среди гробниц? – Сабин спрыгнул с коня и пнул брата в бедро. – Да мать с ума чуть не сошла из-за твоего побега!

Подоспел Тит.

– Что, во имя Гадеса, на тебя нашло, Веспасиан? Ты хоть представляешь, как опасно путешествовать по этим дорогам в одиночку, пусть даже они и такие оживленные? Кто из путников остановится и придет на помощь парню, попавшему в беду? Только круглый дурак, да и тот подумает. Никто в здравом уме не станет рисковать жизнью ради чужака, даже если заметит, как тебя убивают за каким-нибудь из надгробий!

– Извини, отец, – сказал Веспасиан, потирая ногу и поднимаясь. – Я понятия не имел... Сабин только что сказал.

– Садись на лошадь и проси прощения у матери! – рявкнул Тит.

Юноша сделал как велено, но не перестал думать о том покойнике в гробнице. Будет ли он, Веспасиан, удостоен когда-либо такой чести?

По мере приближения к перекрестку с Номентанской дорогой, находящемуся в полумиле от Коллинских ворот, через которые им предстояло попасть в город, движение становилось все более плотным. Гробницы, продолжавшие тянуться по обеим сторонам, превратились, по сути, в трущобы, населенные городским отребьем, не имеющим возможности найти себе приют в самой столице. Смрад от их вонючих жилищ, сколоченных из обрезков досок и обтянутых кусками мешковины, только усугублял вонь от готовящегося на кострах варева, поэтому каждый поток воздуха превращался в неизбежную пытку.

До городских стен оставалось всего несколько сот шагов. Масштаб укреплений поражал – неприступная кирпичная гора вздымалась к самому небу. К северу от города, в паре миль правее от них, Веспасиан видел изящные, шестидесятифутовой высоты арки недавно построенного акведука Аква Вирго. Здесь, на Марсовых полях, заканчивалось двадцатитрехмильное путешествие, которое проделывала чистейшая вода из источника, указанного, как гласила легенда, страдающим от жажды после жестокой битвы римским воинам, некоей юной девой.

Шум толпы вкупе с грохотом обитых железом колес бесчисленных тележек и фургонов, влекомых ревущими животными, достиг крещендо в том месте, где две дороги в буквальном смысле сталкивались друг с другом. Веспасиан озирает этот невообразимый хаос – люди, повозки и упряжки сновали во всех направлениях, выворачивая на дорогу. Никто не хотел уступать, потому как это означало не только задержку, но и жестокий толчок от напирającego сзади транспорта.

Бывшие легионеры теперь заняли место во главе семейного каравана, крепкими шестами прокладывая путь к Номентанской дороге. Когда удалось свернуть на нее, движение пошло быстрее, поскольку фургоны и повозки торговцев, въезд которым в столицу днем не позволялся, стали съезжать на обочины и вставать, дожидаясь захода солнца. Как только наступит ночь, они продолжат путь, и стук колес и крики возниц гарантировали, что тишина не опустится на улицы Рима ни в какой час дня или ночи.

Неподалеку от Коллинских ворот Тит договорился о носилках для Веспасии, на которых ей предстояло въехать в город. В эту минуту сзади послышался низкий гул трубы и крики столь громкие, что заглушили гомон. Обернувшись, Веспасиан различил украшенные крас-

ными конными гривами шлемы воинов кавалерийской турмы – подразделения всадников из тридцати человек, – прокладывая путь через толпу.

– Нам лучше посторониться, – сказал Тит. – Похоже, это кавалеристы преторианской гвардии, а они бывают не слишком любезны, особенно когда сопровождают какую-либо важную персону.

Турма приближалась колонной по четыре в ряд. Белые рослые жеребцы с глазами навыкат, с выступившей на морде пеной, прокладывали себе путь, не останавливаясь ни перед чем. Любой недотепа, не убравшийся вовремя на обочину, получал от всадника удар плоской стороной меча или древком копья.

– Дорогу, дорогу! Императорское дело, уступите дорогу! – выкрикивал центурион.

Трубач издал новую руладу. Бронзовые нагрудники и окованные серебром шлемы гвардейцев блестели на солнце, красные с золотой окантовкой плащи развевались за спинами – все в этих воинах кричало о власти и богатстве императорской семьи, которую они призваны оберегать. Воины безупречно держали строй, их мускулистые бедра и икры плотно прилегали к потным бокам коней, удерживая скакунов строго по центру дороги. Посреди отряда виднелись носилки из дорогого дерева и слоновой кости, обитатели их скрывались от глаз за богатыми занавесями, на которых золотой и серебряной нитью были вышиты астрологические символы. С каждого из углов носилок выступал шест, за который их на высоте талии несли по три дюжих негра. Темнокожие двигались быстро, но так плавно, что носилки буквально плыли над дорогой, не причиняя драгоценным пассажирам даже секундного беспокойства. Такое искусство достигалось годами тренировки под бдительным оком надсмотрщика, щедро наказывающего за малейшую ошибку ударом хлыста.

Веспасиан наблюдал за имперским кортежем, спешащим по Номентанской дороге.

– Отец, кто это может быть – император?

– Нет, едва ли. Покидая Рим, Тиберий все чаще предпочитает проводить время на юге и никогда не въезжает в столицу с этого направления. Это, должно быть, кто-то из придворных, владеющий поместьями в горах на востоке, – ответил Тит, когда носилки поравнялись с Флавиями.

В этот миг какой-то пес с капающей из пасти пеной, очумевший от рева трубы и цоканья копыт, выскочил из-под тележки рядом с Веспасианом и метнулся к передовой группе негров. Клыки собаки вонзились в ляжку ближайшего к носилкам раба. Тот с воплем упал, отчаянно стараясь оторвать от себя взбесившееся животное. Товарищи несчастного резко остановились, в результате чего их ноша закачалась. Гвардейцы мигом окружили неподвижные носилки, нацелив острия копий на толпу. Декурион подъехал, чтобы выяснить ситуацию. Он окинул сцепившуюся пару взором и двумя быстрыми ударами копья положил конец тяготам обоим. Потом отдал гвардейцам резкий приказ вернуться в походный порядок, и колонна приготовилась следовать дальше.

Но прежде, чем это случилось, занавесь немного приоткрылась, и из-за нее выглянула юная девушка. У Веспасиана захватило дух – никогда не видел он подобной красоты. Густые черные волосы, контрастировавшие с безупречной белизной кожи, завитками ниспадали на резные плечи. На шее и ушах блестели драгоценные камни. Губы, полные и подведенные темно-розовой помадой, располагались на идеальном расстоянии между слегка вздернутым носиком и твердо очерченным, гордым подбородком. Но именно ее глаза, две сияющие голубые звезды, остановившиеся на юноше на несколько участвовавших ударов сердца, заставили его забыть обо всем на свете. Потом личико скрылось, и носилки двинулись вперед.

Громкий хохот вернул юношу к реальности.

– Ты глянь, отец, твой младший сын застыл, разинув рот, как карп, извлеченный из сети рыболова, – заявил Сабин. – Полагаю, наш бедолага только что был сражен стрелой Купидона.

И даю правую руку на отсечение, что знаю, кто она. Впрочем, толку от этого мало, до нее ему все равно не дотянуться.

Когда отец присоединился к смеху, Веспасиан густо покраснел.

– Таким потерянным я тебя еще никогда не видел, мой мальчик! – сказал Тит. – Надеюсь, ты не влюбился в нее, а? – Все еще фыркая от хохота, он знаком велел телохранителям продолжить путь.

Веспасиан остался стоять, устремив невидящий взор на мертвого пса, челюсти которого продолжали сжимать труп чернокожего невольника. На протяжении нескольких часов молодого человека дважды поразил разряд молнии: внезапная, неизъяснимая любовь к городу, который он видел только издалека, и к девушке, показавшейся пред ним лишь на мгновение. Кто она? Впрочем, скорее всего ему никогда не встретиться с ней снова. С трудом овладев собой, юноша тронул коня в след своим, но, проезжая через Коллинские ворота и вступая в Рим, он ощущал, как стремительно колотится в груди сердце.

Глава 6

Сразу за воротами Номентанская дорога сужалась так, что две повозки едва могли разминуться друг с другом. На смену тянувшимся вдоль обочин хижинам-временкам и склепам пришли трех-, четырех- и даже пятиэтажные многоквартирные дома – инсулы. Их высокие стены преграждали солнечным лучам путь к улице практически все время, если не считать пары часов около полудня. На нижних этажах зданий размещались выходящие на дорогу лавки, где продавались всевозможные товары. Лоточники сновали между мясниками и продавцами изделий из кожи, у дверей таверны примостился торговец живой птицей, свои услуги предлагали цирюльники, предсказатели и изготовители крохотных статуэток, изображающих богов и героев. Блестящий от пота кузнец махал молотом у открытого огня, портной сгибался, орудуя иглой, пекарь выкладывал на полки караваи хлеба, пироги и сладкие булочки.

Зазывные крики лавочников наполняли воздух, и без того напоенный разного свойства ароматами, приятными и не очень, являющимся следствием человеческой деятельности. Веспасиана ошеломил этот поток людей: свободных, вольноотпущенников и рабов, снующих по своим повседневным заботам, бесцеремонно толкающим друг друга, чтобы не слететь с приподнятой мостовой или не угодить в покрывающую дорогу грязь – по большей части представлявшую собой человеческие или скотские испражнения.

С наружной части небольших зданий – чтобы сэкономить драгоценное внутреннее пространство – размещались хлипкие деревянные лестницы, ведущие к столь же утлым балкончикам, откуда можно было попасть в комнаты второго или третьего этажа. Этот верхний уровень был населен по преимуществу женщинами. Одни занимались тем, что скребли щетками одежду, разложив ее на деревянных досках. Относительно чистые вещи уже сохли на веревках, колыхаясь на легком ветру. Другие готовили пищу, чтобы поставить ее на огонь в ближайшей пекарне. Пока обед варился, хозяйки судачили с соседками, а дети шныряли у мам под ногами или играли в бабки или кости. Размалеванные шлюхи предлагали свои услуги прохожим и перекидывались между собой непристойными шуточками, кудахта от бесстыдного смеха. Струхи просто выглядывали из окон, наблюдая за жизнью, в которой не могли больше принимать участия.

Низшие слои общества в лице воров, мошенников, шарлатанов и жуликов вели охоту на наивных и простаков, рыща среди толпы и вычисляя жертву с точностью, которая вырабатывается только за годы бесчестной жизни. То, что ускользнуло от их рук, доставалось самым презренным отбросам – нищим. Слепые, хворые, увечные или уроды, они с отчаянием, известным только тем, кто лишен всего, сражались за кусок хлеба или мелкую бронзовую монетку, осаждая немногих из горожан, кто соизволил хотя бы заметить их.

Здесь присутствовали все формы человеческого существования. За исключением богатства. Богачи обитали на римских холмах, среди чистого воздуха, и сталкивались с уличной чернью только на пути в город или из него, проездом к спокойным сельским виллам.

Флавии ехали по улице, ведущей прямо, словно стрела, в самое сердце Рима.

– Нам надо держаться этой улицы, пока она не разделится на две, – пояснил Тит, обращаясь к телохранителям, умело справлявшимся с задачей прокладывать путь через толпу. – А на развилке мы примем вправо.

Потом он повернулся к младшему сыну.

– Ну, мальчик мой, что скажешь?

– Это немного больше Реаты, отец, – с улыбкой ответил Веспасиан. – Но если честно, не знаю, что и сказать. Все так, как я и ожидал, только в десять раз ошеломительнее. Мне представлялось, что тут много народа, но чтоб настолько... Я слышал, что бывают высокие здания, но чтоб такие... Как они не падают?

– Бывает, что и падают, – отозвался Тит. – Владельцы строят инсулы с расчетом, чтобы получилось как можно быстрее и дешевле, а потом набивают туда жильцов сколько влезет. Нередко здание рушится. В таком случае хозяин живо возводит на его месте другое, а убитые обломками бедолаги могут отправляться в Гадес. Всегда найдется достаточно желающих, согласных заплатить за право жить в столице, пусть даже и в смертельной ловушке. Выбор стоит между инсулой и теми трущобами среди гробниц, что за стенами города. Но здесь неимущие могут хотя бы рассчитывать на бесплатные раздачи хлеба – император не хочет, чтобы его народ умирал с голода, ведь это означает для него политическое самоубийство. Всякому человеку со средствами известно, что от революции нас отделяет всего лишь пустой амбар.

Отец улыбнулся Веспасиану.

– Но тебе не стоит переживать об этом – предоставим другим их заботы, а сами займемся своими.

Они достигли развилки. На образованном ей углу примостилась таверна, рядом с которой группа сурового вида мужчин, устроившись на деревянных скамьях, пила вино и играла в кости. Когда Флавии свернули направо, один из этой группы встал и подошел к Титу.

– Если намереваешься избрать эту дорогу, господин, тебе понадобится защита, – сказал он тихо, но с угрозой.

У него было сложение и уши кулачного бойца, а шрамы на лице развеивали последние сомнения насчет рода его занятий. Незнакомец даже не пошевелился, когда Тит попытался объехать его.

– Я говорю – на этой дороге тебе потребуется защита. Меня зовут Марк Сальвий Магн, и мое братство перекрестка способно обеспечить безопасность тебе и твоим спутникам, – не сдавался громила. – Один денарий для меня и два для моих парней, и можешь без страха ехать, куда тебе надо.

– Но кого нужно мне остерегаться, Магн? – спросил Тит, в голосе которого звучала с трудом сдерживаемая ярость. – Тебя и твоих кровожадных дружков, не так ли?

– Не стоит быть невежливым, господин, – ответил кулачный боец. – Я всего лишь не советую ехать дальше без эскорта людей, знающих эти места. Которые осведомлены, куда можно соваться, а куда нельзя, если ты меня понимаешь.

Тит старался удержать себя в руках – последнее, чего ему хотелось, это уронить свое достоинство перед каким-то головорезом.

– Почему защита нужна именно нам? – спросил он, указывая на группу прохожих. – Вот им, например, не требуется твоя протекция?

– Их вид дает понять, что защита им не по карману, господин. А если ты слишком беден, чтобы купить охранников, то слишком беден и для того, чтобы привлечь грабителей. Вы же, напротив, выглядите так, будто способны приобрести протекцию, а следовательно, нуждаетесь в ней. – Магн выглядел очень довольным безупречной логикой своих аргументов.

– Но у нас уже есть защитники – эти трое вооруженных телохранителей вполне способны постоять и за себя, и за нас, – заявил Тит, указывая на бывших легионеров, которые спешили и обнажили кинжалы.

– Вид у них бравый, господин, но их только трое, а там, куда ты едешь, так много очень плохих людей, даю тебе слово.

– Еще бы ты не дал, – фыркнул Тит. – Но что, если мы не последуем твоему в высшей степени благонамеренному совету?

– Это будет очень опасно, господин, и несколько глупо, если мне будет дозволена дерзость так выразиться. – По губам Магна скользнула улыбка, не отразившаяся в глазах.

За спиной кулачного бойца начала собираться его дружка. Ситуация становилась тревожной.

– Просто заплати этому парню, отец, – прошептал Сабин, сообразивший, что в случае драки ничего хорошего их не ждет.

– Через мой труп, – резко ответил Тит.

– Надеюсь, до этого не дойдет, господин, – вмешался Магн. – Именно чтобы предотвратить такой исход, я и предлагаю свои услуги. Только скажи, куда ты едешь, и мы позаботимся о безопасности на твоём пути.

К этому моменту телохранители Флавиев окружили кулачного бойца, но тот не выказывал намерения отступить.

– Что тут происходит, Тит? – Веспасия вышла из носилок и встала рядом с мужем.

– Эти головорезы намерены...

– Я же говорил: нет нужды быть невежливым! – оборвал его Магн.

– Невежливым! Ах ты мерзкая, невоспитанная обезьяна! – вскричала Веспасия. – Как смеешь ты задерживать нас? Я все расскажу брату, как только его увижу!

– Тише, дорогая! Боюсь, сейчас нам это не поможет.

Тит обвел взглядом дружков Магна, которые полностью преградили Флавиям путь и вперед, и назад. Поняв, что сражаться не стоит, и сделав в уме зарубку свести при случае счеты, он решил пойти на уступки.

– Мы направляемся в дом Гая Веспасия Поллона на Квиринале.

– Что? Бывшего претора? Почему ты сразу не сказал об этом, приятель? Это все меняет. Я хорошо его знаю и не беру денег с его друзей. Произошло дурацкое недоразумение: господин, госпожа, примите мои извинения. И передайте наши лучшие пожелания уважаемому сенатору!

– Вот уж чего ты никогда не дождешься, мерзкий коротышка! – буркнула Веспасия, возвращаясь в носилки.

– Тем не менее мы с удовольствием проводим вас до его дома. Секст, Луций, идите со мной. Мы покажем этой благородной семье путь к дому родича.

С этими словами Магн зашагал по правой дороге, предоставив остальным членам шайки идти следом.

– Что это было, отец? – спросил Веспасиан, когда они двинулись в путь.

– Это, мальчик мой, самая могущественная сила в Риме после императора и преторианцев – братства перекрестка, – ответил Тит, все еще ошеломленный стремительным развитием событий. – Эти шайки гнездятся на пересечениях основных дорог в бедных кварталах города и вымогают деньги с местных торговцев, здешних жителей и приезжих, навязывая им свою защиту. Если ты ее покупаешь, тебя не ограбят. И наоборот. Все очень просто.

– Но это ведь явно незаконно, – изумился Веспасиан. – Почему император ничего не делает?

– Ну, как ни странно это может прозвучать, но этих бандитов терпят, потому что от них есть немало пользы.

– Какая польза может быть от шайки негодяев, угрозами вымогающих деньги?

– В этом можно усмотреть иронию, но одним своим присутствием в этих местах они способствуют снижению преступности. Воров, которые осмелятся орудовать на их территории, ждет суровая расправа. Если задуматься, братства заинтересованы в процветании торговли – чем больше купцов, тем больше перепадает вымогателям. И кроме того, они оберегают расположенные на перекрестках святыни. Если судить по тому, как эти негодяи отреагировали на имя твоего дяди, он самое меньшее – терпел их, если не поощрял.

– Послушать тебя, отец, так они просто подарок: смиренные набожные парни, заботящиеся единственно об общем благе и пользующиеся поддержкой богатых и сильных.

– До некоторой степени так и есть, – кивнул Тит, когда кавалькада свернула с главной дороги и начала подниматься на холм Квиринал. – В то же время им присуща скверная при-

вычка ожесточенно враждовать с соперничающими шайками. А еще они бьются с цирковыми фракциями, которые стоят за другой цвет.

По мере подъема на холм инсулы остались позади, их сменили одноэтажные дома, в фасадах которых не имелось окон, только дверь. Друг от друга их отделяли узкие проулки, так что создавалось впечатление, что это одна длинная стена с множеством дверей. Прохожих стало меньше, а одежда на них куда более дорогой. Даже рабы шеголяли в приличных нарядах. Изменился и сам воздух – легкий ветерок сносил прочь городской смрад, да и гомон улиц превратился теперь в отдаленный шорох.

Сделав несколько поворотов то направо, то налево, Магн подвел их к окрашенному желтым дому.

– Здесь живет сенатор Гай Веспасий Поллон, добрые господа, – объявил кулачный боец, дергая за шнурок колокольчика. – Я оставлю вас здесь. Если есть еще что-то, что я могу сделать, дабы загладить то досадное недоразумение, не стесняйтесь.

Он попытался помочь нахмуренной Веспасии выйти из носилок, но та отвесила ему пощечину. Магн поклонился, пожелал всем удачного дня и исчез, сопровождаемый обоими компаньонами, оставив своих новых знакомцев дожидаться у дверей.

– Я переговорю с братом насчет этого мерзавца, – заявила матрона, подходя к мужу. – Как осмелился этот безродный угрожать людям, так превосходящим его по положению?

– Думаю, Магна вряд ли заботит социальный статус предполагаемых жертв. Разве что это помогает ему сообразить, сколько можно из них выдоить, дорогая, – ответил Тит.

Понимая, что над ней насмеются, Веспасия нахмурилась, но сказать что-либо ей помешала открывшаяся дверь, за которой показался человек такой старый и дряхлый, что сгибался под грузом лет едва не пополам. Привратник воззрился на них слезящимися, налитыми кровью глазами.

– Могу я поинтересоваться, кто звонит? – спросил он скрипучим голосом.

– Тит Флавий Сабин, его супруга Веспасия Полла и двое сыновей: Сабин и Веспасиан, – отрапортовался Тит.

– Ах да, меня предупреждали насчет вас. Прошу, входите и подождите в атрии. Я доложу хозяину, – просипел древний прислужник, склоняясь еще ниже.

Веспасиана встревожило, сумеет ли старик разогнуться, но при помощи палки тот принял исходное положение, закрыл дверь и заковылял в поисках сенатора со скоростью, которая заставляла гостей примириться с неизбежностью долгого ожидания.

Юноша оглядел комнату. Здешний атрий почти вдвое превосходил размеры их собственного и обставлен был куда богаче. Стены украшали яркие фрески обнаженных молодых людей, занимающихся охотой, борьбой и деятельностью, куда менее приличной. Ниши между фресками занимали великолепно изготовленные статуи богов и богинь, фигуры которых ничто не скрывало от глаз. Скульптуры были расписаны, чтобы придать камню подобие живого тела. Пол был выложен искуснейшей мозаикой, на которой наделенный впечатляющей мускулатурой Ахилл сводил счеты с почтительно-покорным Гектором, причем оба героя загадочным образом тоже оказались лишены одежды. Веспасиан заметил, как скривилась мать, озирая всю эту живопись, и до него дошло, что она представляет собой единственную особу женского пола во всей комнате.

– Не уверена, что готова одобрить сделанный братом выбор декора, – шепнула матрона супругу. – Это все так вульгарно и совсем не подходит для наших мальчиков. Почему ты не рассказал мне, Тит? Ведь тебе приходилось бывать тут прежде.

– Как и Сабину. Не забывай, что парня это безобразие вроде как не сразило, – заметил Тит, тоже вполголоса, и похлопал первенца по плечу. – И что с того, знай ты заранее – наши планы бы переменялись? Ты всегда знала о слабости своего брата, поэтому не делай вид, что изумлена. В любом случае, мы уже здесь и не можем уйти, не нанеся страшного оскорбления.

– Слабости? – фыркнула Веспасия. – Вот как ты это называешь?

Сабин поймал взгляд Веспасиана.

– Когда дядя будет поблизости, мой маленький братишка, старайся держаться спиной к стене.

– Сабин, перестань! – зашипел Тит. – Не забывай, что твой дядя – человек почтенный и уважаемый!

– Но держи ухо востро, – пробормотал себе под нос Веспасиан, не в силах удержаться от улыбки, вызвавшей гневный взгляд матери.

– Кем бы ни был мой брат, он очень влиятелен, поэтому последуйте совету отца и держите свои мысли при себе.

Веспасиан кивнул и постарался избегать взглядом изображений на фресках.

– Веспасия, как замечательно снова видеть тебя! – прогудел низкий голос с говором, показавшийся юноше очень схожим с его собственным. – Тит, друг мой, какая радость!

Подняв взгляд, Веспасиан увидел чрезвычайно полного мужчину, который, переваливаясь, вошел в атрий. Белая туника с широкой пурпурной полосой по краю не скрадывала массивности фигуры – любой пояс утонул бы среди перекатывающихся жировых складок. На округлом лице бросалось в глаза присутствие косметики – румян на щеках и угольной подводки вокруг глаз. Дополняли картину тщательнейшим образом расчесанные язычки волос, спускающиеся на лоб и на уши. На ногах сенатора, слишком миниатюрных по сравнению с телом, виднелась пара элегантных красных тапочек из кожи. Юноша ни разу в жизни не встречал столь причудливо выглядящего человека и с трудом подавил вздох изумления.

Гай приблизился и обнял сестру. Несмотря на осуждение стиля жизни родича и явную оторопь перед его размерами, Веспасия выглядела искренне обрадованной встречей с братом и с энтузиазмом откликнулась на приветствие.

– Гай, сколько лет, сколько зим! – произнесла она, высвобождаясь из необъятных телес. – Надеюсь, мы застали тебя в добром здравии?

– Лучше и быть не может! – ответил тот, крепко пожимая руку зятю. – Ты хорошо выглядишь, друг мой! Воздух деревни идет тебе на пользу. Вот почему ты не наезжаешь в Рим чаще? Ну, наконец-то вы здесь, и мне доставит удовольствие предложить вам свое гостеприимство. О, Сабин, прошло уже четыре года с последнего твоего визита сюда, и лет десять с тех пор, как я видел Веспасиана!

Выступив вперед, братья склонили головы перед дядей, который положил каждому руку на плечо и оглядел с головы до ног.

– Отличные ребята, Тит! Отличные! Можешь ими гордиться. Сабин, жду не дождусь твоих рассказов о военной службе. Уверен, что она пришлась тебе по душе.

– Воистину так, дядя, – ответил Сабин. – Но теперь я мечтаю о месте младшего магистрата.

– Еще бы! И ты его получишь, мальчик мой, обязательно получишь. – Потом Гай повернулся к Веспасиану. – А что влечет младшего брата, а?

– Хочу послужить Риму и своему роду, – ответил тот.

– Хорошо сказано, мальчик мой. С таким отношением к службе ты пойдешь далеко. – Сенатор стиснул руку юноши. – Но с чего начнем? С армии?

– Да, дядя. Как и Сабин, с военного трибуна.

– Превосходно. Уверен, что смогу все устроить, ведь я по-прежнему имею связи с двумя легионами, в которых служил.

Заметив удивленный взгляд Веспасиана, толстяк расхохотался.

– Ах, милый мальчик, неужто ты решил, что я всю жизнь был таким?

Веспасиан покраснел, смущенный тем, что его мысли прочитали.

– Нет, некогда я был таким же стройным, как вы оба, твоя мать может подтвердить, – продолжил сенатор. – Теперь я предпочитаю быть таким. Вернее, предпочитаю вести приятное существование, от которого полнею. В Риме теперь император, снисходительно относящийся к подобному образу жизни, в отличие от своего предшественника, божественного Августа, этого блюстителя нравов, который сам держал себя в строгости и от других требовал того же. Да благословят боги Тиберия за то, что он позволил мне баловать себя и сделаться таким толстым и счастливым.

Гай улыбнулся Веспасиану.

– Ну, будем надеяться, что мне удастся устроить вашу карьеру в этом прекрасном городе. Ведь затем вы сюда и приехали, ребята? – хмыкнул он.

– Да, дядя, спасибо, – в один голос ответили братья.

– О, не спешите благодарить, я пока ничего не сделал. Подождите, вот появится основание, тогда я уж найду способ, как вы сможете выразить мне свою признательность, – проговорил Гай, поворачиваясь к сестре. – А сейчас, Веспасия, я покажу тебе твои комнаты. Затем, думаю, всем вам захочется принять ванну и переодеться с дороги. У меня здесь великолепные бани. Или вы предпочитаете общественные?

– Нет, Гай, мы будем счастливы воспользоваться твоими, – ответила Веспасия.

– Как скажете. Я немедленно распоряжусь подогреть их.

Он хлопнул в ладоши, и из угла комнаты появились четыре домашних раба. Все они были подростками лет двенадцати-тринадцати, с длинными белокурыми волосами до плеч. На мальчиках красовались ярко-алые туники, причем, на взгляд Веспасиана, слишком короткие.

– Эти юноши проводят вас, – заявил сенатор и виновато посмотрел на сестру. – Боюсь, Веспасия, в доме наблюдается недостаток прислуги женского пола. Надеюсь, ты захватила с собой кого-нибудь из рабынь?

– Естественно, братец. Они остались снаружи, вместе с нашими пожитками.

– Превосходно. Прикажу своему управляющему Приску позаботиться о размещении их всех. А теперь устраивайтесь поудобнее, и как только приведете себя в порядок, мы подумаем о планах насчет ваших парней.

Бани и впрямь казались освежающими, хотя и Веспасиана и Сабина несколько смутило, что их ловко массировали и растирали двое милостивых юношей, которые, вопреки годам, совершенно не имели на теле волос, если не считать длинных золотистых кудрей.

Затем братья присоединились к родителям, устроившись в тени внутреннего садика. В самом центре его возвышалась излишне величественная статуя Аполлона, размещившаяся посреди рыбного прудика. Примостившись на краю водоема, Веспасиан лениво водил пальцами по его поверхности, когда пожаловал Гай.

– Не делай этого, дорогой мальчик, – предостерег сенатор. – В пруду обитают мои угри, которые мигом запустят зубы в твой палец, дай только шанс. К несчастью, им столь же нравится поедать нас, как нам – их, – жизнерадостно закончил он, усаживаясь на стул, поданный очередным молодым красавчиком. – В прошлом году один из рабов свалился в пруд и умер раньше, чем его успели достать. Весь водоем буквально кипел – так рыбы спешили отхватить от него кусочек. Думаю, он умер от испуга. Я был в ярости, потому что души в нем не чаял, да и купил совсем незадолго перед тем.

Веспасиан живо убрался подальше от пруда и сел рядом с Титом. Появились еще двое невольников: один нес столик, другой поднос со сдобными булочками.

– У меня обычай съесть в это время дня что-нибудь сладкое, – заявил Гай, когда стол установили. – Надеюсь, вы присоединитесь ко мне – до обеда еще придется подождать некоторое время.

Мальчик наклонился к Веспасии, предлагая булочку, и продемонстрировал присутствующим пару безупречно сложенных ягодичек и лишенную волос мошонку, на которые Гай воз-

зрится одобрителем взглядом. Веспасиан почувствовал, как неуютно заворочался в кресле отец, и попытался представить, как поведет себя мать, когда придет время обслуживать их сторону стола. По счастью, Гай заметил смущение гостей, и прежде чем Веспасия успела сообщить, в чем дело, шлепнул парня по заду.

– Арминий, как смеешь ты прислуживать моим гостям в таком виде? Немедленно ступай и надень набедренную повязку!

Раб недоумевающе уставился на хозяина. Он явно никогда прежде не слышал упоминаемый про этот предмет одежды, если вообще располагал им.

– Иди! – рявкнул Гай. – А булочки поставь на стол.

Бедный парень повинился и скрылся с глаз долой. Сенатор улыбнулся гостям.

– Прошу прощения. Они такие забывчивые, эти германцы. Хорошие работники, но такие чувствительные.

– Пожалуйста, давай не будем об этом, – сказал Тит. – Ничего не случилось. У тебя все рабы германцы? Насколько мне известно, они страшно дороги.

– Это верно, но стоят каждого уплаченного за них денария, – отозвался Гай с отсутствующим выражением в глазах. – По большей части германцы. Но есть еще пара месопотамцев и один бритт.

– А бритты где живут? – поинтересовался Веспасиан.

– В Британии, это остров к северу от Галлии. Ты ведь читал Цезаря? Он дважды ходил на них походом семьдесят лет тому назад, но эти бритты оказались таким упрямым сбродом, что ему так и не удалось покорить их. Это выпадет на долю кому-то другому в будущем, без сомнения. Однако, Тит, ты же давал мальчикам образование. Они ведь читали классиков?

– Боюсь, Веспасиан проявил больше интереса к земледелию, чем к истории, и пренебрегал чтением.

– Это нужно исправить. Веспасиан, я одолжу тебе свой экземпляр «Галльской войны» Цезаря – там ты прочитаешь про Британию, а заодно про Галлию и Германию. Солдату необходимо знать такие вещи – кто может сказать, куда тебя пошлют? Пока вы мои гости, мальчики, пользуйтесь без стеснения моей библиотекой.

– Это очень любезно, дорогой брат, – сказала Веспасия. – Уверена, мои сыновья извлекут из чтения много пользы.

Гай указал на булочки.

– В отсутствие прислуги, прошу, угощайтесь сами. Вот эти, с миндалем и с корицей, особенно вкусные. Налетайте, мальчики, завтра у нас хлопотный день, не мешает как следует подкрепиться.

– Что ты запланировал на завтра? – спросила Веспасия.

– Надо показать и представить твоих ребят, – ответил Гай, отправляя булочку в щель между полных, влажных губ. – Завтра очередной общественный праздник, а где удобнее делать представления, как не во время гонок колесниц в Большом цирке?

Глава 7

На рассвете дряхлый привратник отпер дверь и впустил толпу клиентов, жаждущих с утра пораньше засвидетельствовать почтение своему патрону. Гай восседал на стуле у очага и приветствовал каждого из сорока с лишним посетителей в порядке живой очереди. Веспасиан и Сабин расположились по бокам от хозяина дома, который знакомил их с теми, кого считал достойными такой чести. Юный секретарь стоял сзади. В его обязанности входило делать пометки на восковой дощечке об устных просьбах, а также принимать письменные обращения клиентов, считавших, что решить их проблемы способен только сам патрон.

Тем, кому Гай рассчитывал найти сегодня применение, было сказано подождать в кабинете частной аудиенции. Остальные, получив немного еды и питья, оставались торчать у дверей вплоть до отъезда патрона. У каждого имелся кошелечек с монетами – был день скачек, и сумма предназначалась для ставок. Покончив с приветствиями, Гай скрылся в кабинете, чтобы взysкать услуги взамен тех, что были оказаны в свое время им. Веспасиана впечатлило неторопливое достоинство, с каким как патрон, так и клиенты вели себя в отношении друг друга, радея о взаимной пользе.

Покончив с делами, Гай выплыл из кабинета и заметил Веспасиана.

– Дорогой мальчик, будь добр, сходи за родителями. Надо отправиться пораньше – толчея будет невообразимая.

Как только все собрались в атрии, Гай принес жертвы домашним богам, пробормотал молитву и тронулся в путь, сопровождаемый гостями и клиентами. К изумлению Веспасиана, на улице их ожидал эскорт в виде Магна и шести других «братьев перекрестка», крепких как на подбор парней.

– Что тут делают эти люди, Гай? – возмутилась Веспасия. – Они угрожали нам вчера и вели себя неуважительно по отношению к тем, кто выше их. Я собиралась пожаловаться тебе на них еще вечером.

– Доброе утро, госпожа! Прошу, прими мои извинения за вчерашнее... – начал было Магн.

– Стоит плеткой вбить немного хороших манер в этого человека! – прервала его Веспасия.

– Успокойся, моя дорогая, – проговорил Гай. – Магн...

– Магн?² – взвизгнула матрона. – Не слишком ли великое имя для такого мелкого мошенника?

– Мой дед сражался за Помпея Великого при Фарсале³. Его звали...

– Меня совершенно не интересует история твоего паршивого рода!

Гай встал между спорящими.

– Веспасия, прошу тебя, Магн – мой доверенный друг и ценнейший источник сведений. Ради меня, предай забвению тот неприятный эпизод, и давай отправимся в цирк. Магн и его товарищи очень пригодятся нам, чтобы проложить дорогу через толпу.

Веспасия задумалась, презрительно глядя на Магна и его дружков, покаянно склонивших головы.

– Ну ладно, братец, – высокомерно процедила она. – Ради тебя.

Магн благодарно кивнул и повернулся к Гаю.

² В переводе с латыни Магн означает «большой, великий».

³ В битве при Фарсале в 48 г. до н. э. войска Гаю Юлия Цезаря разгромили армию Гнея Помпея Магна (Великого), пред-
решив исход гражданской войны.

– Как понимаю, вы намерены расположиться где обычно – на сенаторских местах, слева от императорской ложи?

– Именно так, любезный. Пятеро рабов еще до рассвета отправились занимать для нас места.

Окруженный семьей, клиентами и телохранителями, Гай направился вниз по Квириналу. По пути Веспасиан замечал множество подобных групп из важного вида людей, сопровождаемых толпой прихлебателей. Чем важнее выглядел человек, тем больше была толпа. Все двигались в одном направлении – на скачки.

Как и предсказывал Гай, толчея у цирка была невообразимой. Проталкиваясь через орды зрителей, различающихся по цветам любимых команд: красных, зеленых, белых или синих, Магн и его «братья» густо обливались потом. Завидев своих, болельщики радостно кричали, а при встрече с соперниками шипели и злословили. Они во все горло распевали песни, восхваляющие свою команду, и размахивали флагами соответствующего цвета. Когда водоворот толпы сталкивал две враждующие фракции, вспыхивали потасовки, но в целом настроение было добродушным, главным образом по причине того, что стояло еще раннее утро и никто не успел напиться.

Гай и его спутники миновали беговых лошадей и фургоны с колесницами и снаряжением, которые доставлялись из четырех фракционных конюшен на Марсовых полях, что за стенами к северу от города, на базы, используемые в ходе дня скачек.

– Коней весь день возить будут, – прокричал Гай, стараясь перекрыть гомон. – При учете двенадцати заездов по двенадцать колесниц в каждом, причем большинство – четверки, животных требуется много.

– Пятьсот семьдесят шесть, – не задумываясь, выпалил Веспасиан.

Сабин хмыкнул, но критиковать подсчеты брата не стал.

– Да еще по меньшей мере две сотни голов запасных, – добавил Гай, бровь которого от скорости произведенных племянником подсчетов удивленно приподнялась. – Прибавьте еще скакунов для хортаторов – верховых, которые ведут каждую из колесниц по кругу.

Веспасиан наслаждался царящей здесь атмосферой. Перед его глазами стояли картины города, увиденные за время продолжительной прогулки: арки Священной дороги, величественно сияющий в свете утра храм Юпитера, примостившийся на Капитолийском холме над Форумом, дом Сената и возвышающаяся рядом с ним Ростральная колонна, украшенная таранами карфагенских кораблей, захваченных в битвах при Милах и мысе Экном во время первой войны Рима с этим давным-давно забытым врагом. Он видел новый форум Августа, форум Цезаря и прочие общественные здания, как религиозные, так и гражданские. Здания, о которых много слышал, но увидел впервые, и был поражен их размером, величием и красотой.

Уже показались внешние стены цирка. В четыре этажа высотой, они как по волшебству вздымались над человеческим морем, волны которого вливались через арки в нутро сооружения. Оказавшись там, зритель проходил через колоннаду, полную торговцев горячей едой, подушками, вином и прочими полезностями, а затем по одной из множества мраморных лестниц попадал в громадный стадион, вмещающий почти четверть миллиона человек.

Справа Веспасиан видел временные лагеря, сооруженные фракциями колесничих на Бычьем форуме напротив узкой, прямой стороны цирка, через которую соперники въезжали на ипподром. Зверского вида стражи, по сравнению с которыми Магн и его дружки показались бы мальчиками с религиозной церемонии, охраняли подступы к этому месту от ловкачей, желающих вынюхать что-то о подготовке команд к заездам.

Нырнув через арку в кипящий котел цирка, группа Гая начала таять: засвидетельствовав почтение патрону и пожелав ему удачи, клиенты пытались счастья попасть на трибуны по одной из общедоступных лестниц. В колоннаде работа Магна стала намного сложнее – он то прокладывал дорогу через плотную массу, то пропускал партию зрителей, имеющую более высокий

статус, чтобы тут же влиться ей в кильватерный след. Мало-помалу они пробивались к входу, зарезервированному для сенаторов и их гостей.

Когда водоворот толпы сближал Гая с кем-то из знакомых, он приветствовал их:

– Доброго тебе дня, Луций! Да улыбнутся тебе боги и пошлют добрую удачу! Постум, надеюсь, твои «белые» не подкачают сегодня! Поставлю на них во втором заезде.

Все это время сенатор сообщал Веспасиану и Сабину краткие сведения о приятелях и о том, насколько велико их влияние.

Когда один из действующих входов перекрыли, едва не разгорелась драка. Сотням людей, оставшимся не у дел, приходилось пробираться к другим воротам, где и так уже насмерть стояла толпа желающих попасть внутрь. Воздух наполнили вопли и хруст костей и черепов – это вооруженная дубинками охрана, закрывающая створки, щедро потчевала ударами разочарованных зрителей, не успевших занять места.

Наконец Магну и его «братьям» удалось пробиться к значительно менее загруженному сенаторскому входу.

– Здесь я оставлю тебя, господин, – заявил кулачный боец, повернувшись вместе со своей шайкой к Гаю. – Да благоволит удача тебе и твоим спутникам.

– Также как тебе и твоим друзьям, Магн, – ответил Гай, бросив ему увесистый кошель. – Воспользуйся этими деньгами с умом, хотя я и не сомневаюсь, что ты все поставишь на своих дорогих «зеленых», не беря в расчет того, кто едет и в какой они в данный момент форме.

– Да, господин, – серьезно ответил Магн. – Кто однажды стал «зеленым», тот «зеленым» и умрет.

Гай улыбнулся, потом извлек из складок тоги деревянный жетон и предъявил охраннику на входе, тот поклонился и проводил группу в длинный проход, ведущий на стадион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.